

Порог

Автор:

Олег Рой

Порог

Олег Юрьевич Рой

В новом мистическом романе Олега Роя читатель встретится с захватывающим хитросплетением современных реалий и мрачных тайн Средневековья. Герой «Порога», живущий в наши дни светский красавец, выглядит молодым, богатым и невероятно успешным... И никто даже не догадывается, что Жан-Жак-Альбин появился на свет много веков назад, и при рождении был отмечен печатью демонов, олицетворяющих Семь Смертных Грехов. С тех пор вся его долгая жизнь, полная роскоши, разврата и жестокостей во имя Тьмы, служит одной-единственной цели. Миссия Жана-Жака – отыскать и убить семь младенцев, которым предначертано воплотить в себе Семь Главных Добродетелей...

Олег Рой

Порог

А теперь пребывают сии три: вера, надежда, любовь. Но любовь из них больше.

1-е послание Коринфянам, 13:13

© Олег Рой, 2021

© Издание, оформление. ООО Группа Компаний «РИПОЛ классик», 2022

Глава вводная

Завязка, переходящая в веревочку

Наши дни. Гамбург. Район Санкт-Паули. Улица Хербертштрассе, которую туристы прозвали улицей Греха.

В ночном баре «Спящий медведь» горел приглушенный свет, играла негромкая музыка, а сидящий на высоком стуле посетитель вполголоса переговаривался о чем-то с барменом, тихо посмеиваясь.

– Смотри, красавчик какой, – подтолкнула девушка-блондинка локтем свою подружку-шатенку. – Судя по топовому прикиду, бабло у него есть. На здешнего не похож. Турист, точно.

– Ну или просто приезжий, – внимательно разглядывая его, согласилась та.

– Слушай, а чем приезжий отличается от туриста? – не поняла блондинка.

– У него явно какие-то дела здесь, – объяснила подружка. – Смотри, они болтают как знакомые.

– Знакомые – не знакомые, да какая, блин, разница, Алина! Уболтаем красавчика на тройничок?

– Было бы неплохо, Кейт, – кивнула Алина. – Сегодня за стойкой сам Маркус стоит, можно попробовать его уговорить подогреть посетителя. Он точно при деньгах. Хотя... Если у них дела, может, не лезть?..

– Думаю, все будет четко, – заверила Кейт и бодро двинулась вперед.

Слишком яркий макияж, слишком глубокое декольте, слишком короткие шорты, оголяющие чуть ли не пол-ягодицы, не вызывали сомнений, какой профессией владеют девушки – ночные бабочки, а попросту шлюхи, к тому же из не очень дорогих.

А дальше произошло странное. Бойкая Кейт, подобравшись поближе к симпатичному посетителю бара, игриво ущипнула его за бедро, но ее рука тут же оказалась заломлена за спину, а шея – в тугом захвате локтем.

– Э, полегче! – воскликнула изумленная Алина, но посетитель тут же разжал руки, рассмеялся и притянул к себе не успевшую и пикнуть Кейт.

Внешностью своей гость был похож на очень сексуального падшего ангела – ясно-голубые глаза, темные кудри, орлиный нос и очаровательная порочная улыбка. Отточенность движений и быстрота реакции изобличали в нем человека, знакомого с единоборствами не понаслышке.

– Извини, – не переставая улыбаться, кивнул ночной диве брюнет. – Ты слишком неожиданно подошла сзади. Не больно?

– А я люблю пожестче! – вызывающе заявила Кейт.

– Да-а? – картинно изумился посетитель. – Коллеги, значит?

– О, ты тоже по теме? – припорхнула поближе успокоившаяся Алина.

– Садомазо и все такое? – подхватила Кейт.

– И все такое, – благожелательно кивнул «ангел» и отпил из своего стакана маленький глоток виски. – Но, боюсь, вам не понравится.

Маркус бросил на девушек обеспокоенный взгляд.

– Почему же? – не унималась блондинка. – Я многое умею, между прочим. Например...

– Боюсь, вам ОЧЕНЬ не понравится, – мягко повторил посетитель, рассматривая ее с ног до головы, и вдруг сильно ущипнул ее за сосок через тонкую футболку. – Возвращаю знак внимания, мышка.

– О черт, – скривившись, пискнула Кейт, но не рискнула открыто выражать негодование – в конце концов, она сама нарывалась, и это понимали все

присутствующие.

– Извините, Анселл, момент, – почтительно обратился к гостю бармен, сделал страшные глаза обеим девицам и мотнул им головой, приглашая отойти с ним.

Вся троица удалилась на почтительное расстояние.

– Кейт, ты дура?! – почти не разжимая губ, тихо промычал Маркус. – Валите отсюда и не оглядывайтесь.

– А что такое, Маркус? – надула та губы. – Он прикольный, хоть и больно щиплется.

– Алина, уйми эту идиотку. – Глаза Маркуса стали холодными. – Он более чем серьезный человек, и у нас с ним более чем серьезные дела, поняли? Забыли, что я не просто бармен, а совладелец? Мне неприятностей не надо. И вам тоже. Все должно быть тихо и пристойно.

Девушки переглянулись.

– Никогда не знаешь, на кого нарвешься, – примирительно пояснил Маркус. – Говорю, чешите отсюда, пока не влипли. Потом объясню. И только то, что вам полагается знать. Давайте, давайте, шевелите булочками в другое место... Анселл, я иду!

– Похоже, придется снять другого, – пробурчала присмирившая Кейт. – Кстати, ты слышала, как он его назвал? То ли «ангел», то ли...

– Анселл, – поправила Алина. – Это, кстати, значит, «защищающий бога». Я с детства еще помню.

– Ни хрена себе, – хмыкнула Кейт, хватая товарку под локоток. – Может, он церковник? Они там все чокнутые извращенцы...

– Да нет, он правда какой-то серьезный, не нашего полета, – вздохнула Алина. – Четкий такой. Пошли отсюда.

Девушки с сожалением покинули «Спящего медведя» и занялись поисками более легкой добычи, а Маркус и Анселл вернулись к прерванному диалогу.

– Извините этих дурех, – опасно скользнув взглядом по гостю, сказал бармен. – Они не знают ничего.

– А я в своем гнезде гадить не собираюсь, Маркус, – прошелестел тот медовым голосом, и у бармена по спине поползли мурашки.

Он знал, как посетитель его бара развлекся недавно в Дюссельдорфе. Три женских трупа за одну ночь. В одном гостиничном номере. У всех выколоты глаза, две из них связаны спина к спине, и все три жестоко изранены и изнасилованы. Одна из связанных была уже мертва, когда надругались над ее подругой. Полиция хотела не допустить утечки информации, но журналисты сработали быстрее, и страшные фото попали и в Интернет, и в печать. Расследование вначале предполагало, что речь идет о серийном убийце, но такие обычно не устраивали групповой резни. Была версия и ритуального убийства. Но все эти предположения – пальцем в небо.

Да, полугодом ранее была обнаружена новая сатанинская секта «Дети Черного Бога», промышленно убивающая массовыми убийствами и действующая с размахом, но там в жертву приносили детей и девственниц. Кроме того, именно через нее проходило чудовищное количество не убитых, а просто похищенных детей, которых впоследствии продавали на органы. Людей трясло от ужаса, отвращения и ненависти, организаторы секты были найдены и переданы в руки закона, хотя народ ратовал за другое – разорвать их в клочья без суда. Но никто не знал, что основатель ее жив, здоров и на свободе. Мало того, именно он сидел в данный момент в баре «Спящий медведь» и неторопливо потягивал виски со льдом.

Нет, он не совершал ритуальных действий и был в здравом уме, если это, конечно, можно было назвать здравым умом. Ему просто нравилось убивать. Мучить. Наблюдать, как жертвы умирают в агонии, ловить последний человеческий вздох, алчно всматриваться в последнюю искру жизни в угасающем взгляде. Ну и, разумеется, на его счету было далеко не одно убийство и далеко не одна подобным образом организованная секта.

А тех трех девушек он убил просто так. Захотелось. И именно в гостинице, где за стенами находились другие люди. Прихоть, просто пощекотать себе нервы. А работники гостиницы видели вовсе не его, а того, чьей внешностью он прикрылся, – известного бизнесмена – но о свойстве менять облик несколько позже...

Маркус знал все это, но предпочитал молчать. Он смертельно боялся Анселла – это во-первых, и он получал солидный куш – во-вторых. Нет, сам он никогда не был в рядах похитителей, он просто сливал Анселлу информацию о несовершеннолетних проститутках, в особенности о беременных или же недавно разрешившихся от бремени, а заодно о недавно появившихся в «профессии» неоперившихся цыпочках. Обычно такие делишки, как прерывание беременности ночных бабочек, проворачивались быстро и втайне. Но в небольших городках, нашпигованных платными информаторами, никаких тайн просто не могло быть. Да и в случаях, доложенных Анселлу, беременность не прерывалась. Девушка просто исчезала на время и...

О нет, ее не находили мертвой, напротив, очень многие дохаживали срок и даже с комфортом рожали, да только новорожденных им видеть запрещалось. Как и упоминать о произошедшей с ними неприятности где бы то ни было. За это молодые мамы, если можно было их так назвать, получали солидное вознаграждение. Причин для недовольства у них просто не было – здоровье оставалось в полном порядке, счет регулярно пополнялся, а абсолютно не нужное орущее обременение исчезало навсегда и неизвестно куда, и забивать себе голову этим никто не хотел. В первую очередь сами «мамаши».

Тот, кто выбирает такой путь, должен четко отдавать себе отчет – в случае чего их никто не защитит. Даже если их «профессия» узаконена. Даже если они исправно «отстегивают». Они уже не женщины. Они уже не люди. Они – товар...

Впрочем, одна из них ребенка отдавать не захотела. У нее отняли... глаз. И в таком виде отправили работать – шелковая повязка придавала образу пикантности. Впрочем, она могла выбрать и смерть – ей любезно предложили быструю и безболезненную. Но она выбрала жизнь. Не правда ли, мы все так любим жизнь...

А Анселл исповедовал нехитрое правило: «Жизнь коротка, и ею надо уметь наслаждаться, потому что все мы сюда приходим, чтобы получить удовольствие».

С этим можно было бы и согласиться, если только не знать, какую подоплеку скрывает он в этом постулате.

А в толковании его имени – Анселл – таилась немалая ирония – трудно предположить человека, более далекого от Господа, чем тот, чье имя расшифровывалось как «защищающий Бога».

Да и не его это имя было вовсе. А его собственная жизнь была не так уж коротка, о чем бы там ни гласил постулат...

Глава 1

Конец веревочки, начало петельки

1329 год от Рождества Христова

Франция, графство Блуа

За узкими, как бойницы, окнами фамильного дома Бизанкуров бушевала гроза, но в небольшой комнате было жарко натоплено, а на столе оплывали свечи, слабо освещая комнату подрагивающими рыжими язычками.

В большом плетеном кресле у камина, всхрапывая, дремала тучная женщина в простом белом чепце и длинной темной юбке. Белая рубашка ее была распахнута, и к левой груди с выступающим рисунком голубых вен припал младенец.

Рядом, в другом кресле, основательном, из темного дерева, с подлокотниками, обтянутыми вишневым бархатом, сидел молодой мужчина с глубокой складкой меж бровей. Он не спал, а невидящим взором смотрел на неверные свечные огоньки.

Но вдруг тени в комнате себя странно повели. Тень от кочерги медленно и величаво поднялась над сложенными в небольшую поленницу дровами и

пошевелила их, словно выбирая, какое поленце оживит очаг, содержимое которого практически превратилось в угли. Наконец несколько чурбачков, точно так же чинно и неспешно, взмыли над поленницей и сами себя аккуратно уложили в зияющую пасть камина. Огонь немедленно занялся, но диковинным он был, словно ненастоящим: языки пламени шевелились, словно змеи, и создавалось впечатление, что они смотрят на мужчину, выжидая, когда можно будет напасть на него.

«Что за черт?!» – пронеслось в его голове, и он внезапно осознал, что не может шевельнуть ни одной частью своего тела. Он открыл было рот, и тут от тени кочерги, превратившейся в тень худого человека в черной сутане, протянулась несоразмерно длинная рука. Пальцы, холодные как лед, прижались к губам остолбеневшего зрителя, а голова тени медленно и осуждающе повернулась несколько раз направо и налево, недвусмысленно и безмолвно призывая к молчанию. Мужчина было дернулся несколько раз, но веки его отяжелели и он погрузился в беспокойный сон, изредка вздрагивая и постанывая.

Младенец наелся и отнял губы от груди кормилицы, поводя вокруг странно любопытными для рожденного всего несколько часов назад глазенками, а сама кормилица так и не проснулась.

Однако сия мизансцена вскоре дополнилась другими действующими лицами. На первый взгляд, они были людьми – не было у них ни «украшений» в виде рогов, крыльев и прочих устрашающих деталей, ни сопровождающих их появление громов небесных да пены морской. Однако же простые люди вот так, невзначай, из ниоткуда и не появляются...

Первым соткался из воздуха высокий мужчина, грудь которого прикрывала кираса, а плечи драпировал тяжелый темный плащ. Взгляд его был хмур и пронзителен, да и глаза его, разные по цвету, черный и зеленый, усиливали впечатление несомненной опасности, которую излучал этот человек. Точнее, та сущность, которой угодно было принять человеческий облик. К ноге его жался огромный косматый пудель, черный как ночь.

Вторым, прямо из стены, выдвинулся коренастый и широкоплечий мужчина – с рыжими волосами и торчащим клыком – очень подозрительная и мрачная личность. Он резко набросил на голову капюшон плаща, точно не хотел быть узнанным.

Третьей в комнату явилась умопомрачительная красотка с темными кудрями и чувственными губами, из камина выхлестнулся длинный и узкий язык пламени, мгновенно обрисовавший ее фигуру.

Она склонилась в грациозном поклоне:

– Приветствую вас, мессир, Князь Тьмы. Как прикажете нынче называть вас?

По хлопку ее в комнате появилось тяжелое, обитое вишневым бархатом кресло на львиных лапах, более напоминавшее трон.

– Называй меня Воландом, Бельфегор, демон праздности и лени, – опускаясь на предложенное место, отвечивал ей Повелитель мрака. – Некоторое время назад я прибыл из Германии, где наблюдал за жизнью Тевтонского ордена. Там, я слышал, в разговорах меня кликали Фаландом. Пусть их. Ну да ведь этот орден все равно плохо кончит. Позже, много позже и в другой, далекой и холодной стране назовут меня именно Воландом; впрочем, что мне мешает менять имена и заглядывать порой в прошлое и будущее по своему усмотрению, не так ли?

– Истинно так, – снова склонился в поклоне Бельфегор, оставаясь в образе пленительной красотки.

– Итак, что у нас тут? – перевел взгляд на младенца дух зла, и младенец вдруг плавно взмыл в воздух на высоту человеческого роста.

Он мирно парил, внимательно разглядывал свою ножку, чего малыши его возраста еще не делают, и совершенно спокойно относился к тому, что опоры под его тельцем не было. – Что ж, вам не откажешь в изобретательности и некотором сарказме, – вздохнул Князь Тьмы. – Седьмой сын этого несчастного невезучего человека, с сегодняшней ночи вдовца. – Он перевел взгляд на спавшего в кресле молодого мужчину и внимательно всмотрелся в его измученное лицо: – К тому же не среди сыновей, а среди дочерей, – добавил он. – М-да... А весь этот девичий выводок куда?

– В монастырь, Владыка, – отвечивал Бельфегор. – Кроме, надо полагать, Бранны – старшей. На нее уже лакомится сосед. Ему, правда, сорок три, а ей скоро двенадцать, ну да здесь еще не такое видывали. Года через два, а то и раньше, ей надо бы выйти за него. Хорошая партия. А одержимость сразу

половины женского монастыря мы еще устроим...

- Избавь мои уши от подробностей, скучно, - прервал Воланд. - А почему именно ты явился последним?.. Пстой, это нетрудно угадать. Тебе было... лень?

- Не то чтобы, мессир, - поклонился демон. - Просто приятная расслабленность не позволила мне...

- Не юли. Именно лень, - махнул рукой владыка тьмы. - Вот что. Тебе вести младенца и быть его основным покровителем. Это и будет твоим подарком ему. Другие проявят себя после нашего ухода.

- Повинуюсь, мессир. - В эту секунду демон вдруг принял свое истинное обличье - поросшего бородою, с огромным хоботом и вытаращенными глазами чудовища.

- Но сразу ему не показывайся, - поднял палец Воланд. - Хотя его суть уже подготовлена к тому, чтобы выполнять свое предназначение и не вздрагивать и цепенеть, подобно обычным смертным, увидев ваши облики.

Чудовище склонилось в поклоне.

- Ах, как слаба человеческая природа, как падка на грехи, - продолжал, покачивая головой, Воланд. - И как сие видно с самого начала. Увы, с ним тоже сразу стало все очевидно. Так, при виде бутона мы уже понимаем, какой цветок узрят наши глаза, когда он распустится.

- И каким же будет этот, Повелитель? - почтительно спросил Бельфегор.

- Каким он будет, Азazelло? - эхом переспросил Князь Тьмы у рыжего с клыком.

- Старательным, - разглядывая ребенка, скривился Азazelло, демон безводной пустыни. - Когда нужно, сдержанным, когда нужно - красноречивым. Убедительным. Он, извините меня, Повелитель... небольшого ума. Будет хорошо вышивать по готовой канве, но собственного рисунка не придумает. На подлинный размах он непригоден. Зато сможет быть отличной тенью.

Воланд поморщился, но Азazelло сожалеюще развел руки и пожал плечами.

Князь Тьмы долго рассматривал сонно моргающего младенца, затем медленно кивнул:

– Стало быть, тенью. Хорошо. Может, это нам и нужно. Не блестящий авантюрист, а всего лишь тень авантюриста. И поскольку все мы так или иначе представляем мир теней, избранник наш просто будет прилежно следовать предписанным ему правилам, двигаясь за кем-то по пятам по проторенной ему дорожке.

– Иногда простые, но старательные исполнители предпочтительнее, мессир, воля ваша, – натягивая поглубже капюшон, пробурчал Азazelло.

– Что ж, эти его качества вполне можно регулировать. А нам нужно помнить, что идет тысячелетняя война светлых и темных сил. По мне, так Большая игра, и на кону – власть над миром, – прищурившись на огонь в камине, задумчиво произнес Воланд. – Мы не можем проиграть и на сей раз. На войне все средства хороши, и мы стараемся их все задействовать. С этим малышом вот что – дождемся нужного нам влиятельного лица... думаю, это будет духовная особа... стоящая высоко... имеющая власть и силу... Сигнификаторы богатства нынче расположены в соединении с весьма благополучными звездами. Юпитер во втором доме с Луной в первом. Да, это будет сам папа римский.

Бельфегор глухо захохотал, сперва тихо, затем, не сдерживаясь, взревел во весь голос. Спящие в комнате, впрочем, даже не проснулись.

Воланд, словно не замечая шума, поднятого демоном, продолжал разглядывать младенца, а младенец с любопытством разглядывал Князя.

– Какой именно папа, мессир? – негромко осведомился Азazelло. – Ныне здравствующий Бенедикт Двенадцатый?

– Нет-нет, – возразил Воланд. – Нам совершенно другое нужно. Нам нужна светскость.

– Как? – не понял демон пустыни. – Как совместить светскость и святость?

– Да где там святость вы нашли?.. – небрежно отмахнулся Повелитель мрака. – Не смешите меня. Вот уж где святость искать, так только не в храме и тем более не среди служителей культа. Отнюдь-отнюдь.

Он щелкнул пальцами, и ребенок, плавно развернувшись в воздухе, приблизился к Князю Тьмы.

Тот несколькими неуловимыми движениями начертал нечто на его челе и принял его в свои руки. Знаки и цифры на миг вспыхнули зеленым и исчезли, словно всосались в кожу, а может, так оно и было. Младенец чихнул.

– Нам нужно блистать, не правда ли? – обратился к нему Воланд. – Тебя будет окружать самое высшее общество – да-да, ты будешь при дворе самого папы римского. Он грядет, и правление его будет пышным и ярким. Я чую... Мало того, мы сделаем так, что все, предложенное нами, папе понравится. Чтобы он тоже смог предложить нашему мальчику то, что ему и понравится и будет необходимым. Там ему и образование хорошее дадут. А Бельфегор проследит, чтобы знания усвоились им правильно. И ты будешь блистать, малыш... да только не на балах.

Младенец согласно агукнул, будто понял обращенные к нему речи.

– Как бы внимательно ты ни смотрел, все равно позабудешь, что тебе не нужно помнить! – сказал ему Князь. – Кстати, неплохая фраза для романа. Надо подарить кому-нибудь, но много позже. «Как бы внимательно ты ни смотрел, все равно позабудешь, что тебе не нужно помнить!» Романов будет написано еще немало, может быть, даже и про эти наши с вами похождения. Надо же развлекать почтеннейшую публику. Да и нам развлекаться. Все, кто сюда придут после нас, сыграют роль черных волхвов и принесут младенцу свои дары, которые не раз пригодятся ему в будущем. А ты, Бельфегор, помни – на тебе лежит обязанность особого ему покровительства. Прояви себя в самый жаркий, самый многолюдный и суетный день. А лучше ночь. Да, это будет жаркая ночь. Ты поймешь когда. Он должен найти свиток... Вот этот.

Потемневший от времени свиток, уложенный в футляр в виде металлической трубочки, украшенный кистями и красной сургучной печатью, возник из ниоткуда и поплыл по воздуху к демону лени... Бельфегор взял его, спрятал за пазуху, медленно и торжественно поклонился, прижав кулаки к груди. Младенец

в это время продолжал улыбаться и пускать пузыри.

- Теперь закрывай глаза свои и спи! - приказал Владыка мрака.

Ребенок словно услышал и понял, тотчас же закрыл веки и плавно вернулся по воздуху в теплые, как перина, объятия кормилицы.

Затем князь поднялся со своего кресла-трона и двинулся, не касаясь пола, к молодому вдовцу.

- Да, с такой оравой лишиться жены - это прескверно, - вздохнул он. - Полно тебе мучиться, бедолага.

- Что это значит? - поднял брови Бельфегор.

- Ну, уж верно, не я лишу его жизни, - усмехнувшись, ответил Воланд. - Достаточно того, что он будет скорбеть о почившей жене своей. Впереди у него еще немало испытаний. Просто он видел то, что видеть ему было не след. Он тоже «позабудет, что ему не нужно помнить».

Воланд, сложив губы трубочкой, подул в лоб несчастному вдовцу. Он дул и дул - так долго, как это невозможно было сделать человеку - и темные волосы Бизанкура словно покрылись пеплом, а затем - снегом. Через минуту он был абсолютно сед.

- Не вызовет ли это лишних расспросов? - негромко осведомился Азazelло.

- А кому какое дело? - пожал плечами Бельфегор. - Человек, у которого умерла любимая жена, поседел в одну ночь. Трубадуры еще и песню сложат. «Одною ею жил я столько лет...» Или что-нибудь в этом роде.

- Мы задержались, пора в дорогу, - хлопнул в ладони Воланд, и тотчас снаружи послышалось ржание коней. - Пусть делают, что им заблагорассудится. А там начнется совсем другая история...

И три фигуры - Воланда, Азazelло и Бельфегора - постепенно растворились в воздухе вместе с пуделем и тронном на львиных лапах. Посторонний

наблюдатель увидел бы совершенно мирную картину. Спящая семья: кормилица в плетеном кресле, тихонько посвистывающая носом, младенец, покоящийся на ее необъятной груди, и абсолютно седой, хоть и нестарый еще человек, скрючившийся в кресле темного дерева с бархатными потертыми подлокотниками.

Лишь неугомонная кочерга в последний раз всплыла со своего места, чтобы аккуратнее разместить почти прогоревшие полешки в камине, после чего вернулась на свою подставку и больше не шевелилась.

* * *

Голубоглазый чернокудрый красавчик, дефилирующий по Гербертштрассе, остановился возле уличного музыканта, игравшего на какой-то дикой гармошке прямо напротив яркой витрины интим-магазина. Музыкант был одет в расшитую безрукавку на голый торс, татуирован и одноног.

А на витрине цвела махровым цветом БДСМ-атрибутика. На манекене мужского пола надета была кожаная маска, закрывающая голову полностью, даже нос, рот и глаза. В руках манекен держал плетку, а пластиковое тело в некоторых местах было обвито портупеей.

Перед мужским манекеном на коленях стоял женский – в ошейнике и с красным кляпом-шариком во рту, а сзади украшенный пышным хвостом.

«Придурки, лишённые вкуса и мозгов, – лениво подумал красавчик. – Два нижних у них тут, что ли, развлекаются? А где хозяин в таком случае? Поставили бы уж третий манекен. Лишь бы товар продать...»

На душе его было неспокойно.

Да, в «Спящем медведе» дела шли как нельзя лучше. Пару цыпочек они уже заметили. Беременные. Отлично. Можно придумать много разных комбинаций с младенчиками, когда родятся. Подрастить на органы или сразу продать этим толстосумам из Алжира. Те недавно заказывали самый трэш – повторить сюжет «Сербского фильма», одного из самых запрещаемых ввиду его абсолютной бесчеловечности.

У него были и такие клиенты, которые хотели именно повторений ужасиков – в реальности. Типа «Человеческой многоножки». Вмонтировать в нее еще и ребенка... Почему бы и нет. Надо обдумать, может получится забавно.

Сейчас тоже может получится забавно. Хотя и бескровно на этот раз.

– Эй, как тебя?.. – негромко обратился Анселл к музыканту.

– Габриэль, – помедлив, с достоинством ответил тот, длинно сплюнув.

Голубоглазый кивнул.

– Ты же не девственник, надеюсь? – продолжал он. – Нет, я посягаю не на тебя. Просто у меня есть деньги и причуды.

Музыкант помедлил и оценивающе взглянул на незнакомца. – И как далеко простираются твои причуды? – осторожно спросил он.

– Ну, в твоем случае все безопасно. Я хочу угостить тебя девочкой.

Парень вновь помедлил с ответом.

– На кой тебе это? – наконец осведомился он.

– Нужна разрядка, чтобы не грохнуть кого-нибудь. – Анселл приятно улыбнулся. – Один нюанс – я буду смотреть.

– Извращенец, что ли? – усмехнулся Габриэль.

– Бывает со мной и такое, – пожал плечами тот. – Не грузись. Мне просто надо расслабиться.

– О'кей, мне по фигу, – снова сплюнул музыкант. – Только если она меня ничем не заразит.

– Мы купим чистую, – заверил брюнет. – Я знаю, где есть такие. Ты со своей гармошкой столько не заработаешь...

– Это бандонеон, – с достоинством поправил музыкант.

– О'кей, – вздохнул брюнет. – Идем покупать тебе девочку, а мне – душевный покой.

Можно подумать, таким образом можно было купить душевный покой...

* * *

Под финал Габриэль осведомился, как зовут «благодетеля». – Помяни меня в своих молитвах, как Жан-Жака де Бизанкура, – бросил он в дверях дешевого гостиничного номера, оставив музыканта и нанятую проститутку удивленными, но при деньгах. Однако душевный покой, разумеется, так и не обрел...

* * *

Итак, звали его по рождению Жан-Жак-Альбин де Бизанкур, что свидетельствовало о его дворянских корнях. Но никто даже предположить не мог, сколь глубоко в историю уходят эти корни.

Глубины эти были настолько чудовищны, что в первую очередь не давали покоя самому Жан-Жаку. Нет, днем и в те ночи, что он бодрствовал, все было прекрасно. И да, наклонности его были более чем извращенными, он был садистом-убийцей и в своем кругу этого не скрывал. А зачем скрывать, если три четверти дохода абсолютно со всех дел притекали именно с его подачи – порнобизнес, наркотики, живой товар всех мастей и прочее.

Многие считали его чокнутым и побаивались. Поговаривали, что он сам дьявол – несколько раз его пытались убить, и каждый раз безрезультатно. Зато покушавшихся на его жизнь потом находили в таком плачевном виде, что они могли позавидовать мертвым.

Никто не знал, на кого он работает и к какому клану принадлежит. Это казалось невероятным, но даже Интерпол не мог докопаться до истины. Предполагали, что он агент сразу нескольких организаций, оттого и засекречен сверх всякой меры. Они просто не знали, где копать. И не из соображений безопасности, а из соображений здравого смысла и логики. Потому что человеческая логика тут не работала.

Уже несколько лет Жан-Жаку-Альбину снились сны. Притом все чаще и все ярче.

Само по себе это явление вовсе не из ряда вон. Все видят сны, и у многих они красочны и связны, словно приключенческие фильмы, которые, к сожалению, быстро меркнут в памяти, и их невозможно «пересмотреть».

Но такая мысль и не приходила в голову Бизанкуру. Наоборот, он предпочел бы не видеть того, что он видел, потому что это было невыносимо. Не из-за чересчур пугающего визуального ряда – нет, все было еще хуже. Его сны вовсе не были снами...

Наутро Жан-Жак просыпался с рыданиями или воплем, сердцем, колотящимся где-то в трахее, и с полной неспособностью дышать. Немилосердный ужас, отчаяние и безнадежность охватывали его существо перед самым пробуждением, когда нормальные люди должны бы испытывать покой и умиротворенность. Психологи называют это паническими атаками. Но Жан-Жак вовсе не собирался идти к психологу, чтобы поведать ему о своей беде. Ни один врач в мире не взялся бы лечить его недуг. Потому что, повторимся, сны его не были снами. Они были... воспоминаниями.

Сам Жан-Жак понял это далеко не сразу, а лишь по прошествии некоторого времени и долгого размышления. А осознав, просто не знал, что ему с этой информацией делать. Он вспоминал все четче и четче то, что обычный человек помнить просто не в состоянии. Обстоятельства своего рождения. Он вспомнил свое зачатие, словно в его сознание переселилось сознание матери. Более того, воспоминания раздваивались, и он прекрасно понимал, почему – ведь в зачатии, как известно, принимают участие оба родителя. И вот одновременно в них и устремлялась память Бизанкура. Поговорка «муж и жена – одна сатана» подходила тут как нельзя лучше.

Известны ли истории такие случаи? О, она была свидетельницей многих удивительнейших вещей, которые человеческий разум постичь не может. И эта – одна из них. Потому что родился Жан-Жак де Бизанкур... в четырнадцатом веке. Если быть точными, то в 1329 году от рождества Христова. Да-да, это не описка. Заикнись он об этом любому психологу, и ему не покинуть врачебного кабинета иначе как в смиренной рубашке. И повезли бы его вовсе не домой, а в такое место, из которого люди домой уже не возвращаются.

Но есть вещь пострашнее самого ужасного вымысла и самой отвратительной болезни. Правда. А смириться с правдой и есть порой самое трудное. Невыносимое.

Сновидения его были нескончаемым сериалом про него самого, его родных и домочадцев, а пробуждаясь, он понимал, что именно так все и было, и покрывался холодным липким потом. Ему ведь некому было про это рассказать.

Белла, сука...

Разумеется, Белла знала все. Знала и потешалась над его отчаянием, как пить дать. Потому что она, строго говоря, была не Белла. И она была не «она». Наверняка эти сны-воспоминания-откровения посылались ему именно с подачи Беллы. Но с этим существом он сейчас не стал бы откровенничать. Хватит. Как говорится, от греха подальше. Но как тут будешь «от греха подальше», если он, Жан-Жак-Альбин де Бизанкур, от рождения был «крестником» семи смертных грехов и семи покровительствующих этим грехам демонов...

Вел он жизнь праздную, мягко сказано, ни в чем себе не отказывал. Его развлечения находились за гранью человеческих потребностей. Их даже нельзя было назвать «основным инстинктом».

А под утро ему снился взгляд. Из синевы небес взирали на него огромные скорбные глаза, они смотрели в его душу. Так в глубину дальней пещеры вдруг проникает непрошенный солнечный лучик, постепенно вытесняя тьму светом, да только свет этот был для Жан-Жака невыносим. Точно его раздели и выпотрошили. Нет, не так, как это делал он сам с кем-либо. Теперь он делал это сам с собой. Взгляд с небес безмолвно и неотвратно вопрошал: «Как же ты можешь жить с таким грузом, как? Как ты можешь спать, есть, дышать? Посмотри в глубь себя, может, там осталось хоть что-нибудь человеческое?»

Островок света неумолимо разрастался, заполняя нестерпимым сиянием самые стыдные и страшные закоулки его сознания, вытаскивая наружу то, что он хотел бы спрятать, скрыть навсегда от самого себя, и этот свет выжигал его, точно он лишился век. Жан-Жак просыпался от собственных рыданий и обнаруживал, что постель его смята, подушка влажна от пота и слез, простыня на полу, и долго был не в силах выровнять дыхание и принять тот невыносимый факт, что он проснулся.

Но и на следующую ночь, и все ночи раз за разом приходили воспоминания, безжалостно отшвыривающие его на несколько столетий назад.

Вместе с Жан-Жаком де Бизанкуром мы, выражаясь высокопарным слогом, вынуждены, любезный наш читатель, пришпорить скакуна повествования, чтобы он то переносил нас в далекий четырнадцатый век, где и началась наша полная ужасающих событий история, то возвращал в наши дни.

А как прекрасно, даже мило все начиналось...

* * *

1316 год, Франция, графство Блуа. Яркое солнце просачивается сквозь резные листья виноградников, пасутся белые козочки. Пастораль.

Беспрестанные войны, обилие нищих бродяг, желающих легкой наживы разбойничков, поток беженцев. Суровая действительность.

Ги было шестнадцать, и был он статным, ловким и здоровым. Анне-Марии только-только сровнялось четырнадцать, а выглядела она как сопливая девчонка, которой лишь в куклы играть. Но Ги де Бизанкур, изволите ли, разглядел в девице Богарне и трогательную нежность, и доброту, и даже не постеснялся сказать отцу, что видит в ней печать богоизбранности.

– Она словно пресвятая Мадонна, отец, – такая тихая, – говорил Ги, и лицо его напоминало Бизанкуру-старшему морду ополоумевшего барана в период случки, о чем он так прямо сыну и заявил:

– Ты, сынок, дурной, вот что я тебе скажу. Коли видишь в ней Мадонну, закажи ее портрет живописцу да молись на него, прости господи! Все больше пользы будет...

– Но она уже тяжелая, отец, – простодушно моргая, заявил сынок.

«М-да, непорочного зачатия не получится», – понял батюшка, но было поздно.

Увидев друг друга случайно на ярмарке, где каждый был со своим семейством, они уже не расставались ни днем, ни ночью, поправ все правила приличия и здравого смысла.

– Пресвятая Дева Мария! – тихо охнул Ги, приложив руку к сердцу.

– Нет, мой сеньор, просто Анна-Мария, – краснея до ушей, пролепетала та и опустила глаза, но отойти не спешила. – А... а вы здесь что? – нескладно брякнул юноша.

– А я... а мы вот с отцом тут... – еще нескладнее ответила девушка, кивнув.

И начались безумные страсти. Со сложениями сонетов на манер Петрарки, соловьями и луной, и тому подобной дребеденью, и все это на фоне локальных очагов голода, набегов, грабежей и вербовки в войска. Любовь – она именно так и делает, набрасывается внезапно, без объявления войны, эдаким нежным разбойником.

Когда отец Ги в пору его отрочества настоятельно советовал сыну обратить внимание на род де Блуа-Шатильон и на девицу де Шатильон, Ги уже тогда знал, что женится только на Анне-Марии де Богарне.

Да, в графстве Блуа, помимо прочего добра, были лучшие в округе виноградники, и всего одна дочь, которой доставалось все самое лучшее, отчего выросла она на диво пышной и дородной. Так нет же, юноше приглянулась именно Анна-Мария – невзрачная, худосочная, а всего хуже, из семьи голодранцев, как презрительно называл их отец Ги. Слово он сам обладал несметными богатствами – как же, накося выкуси!

Впрочем, будь он в расцвете сил, сын вряд ли стал бы ему перечить. Но отец, пытаясь самолично поучаствовать в строительстве нового сооружения на внутреннем дворе, включавшего в себя хлев и сарай для сена и хозяйственной утвари, переусердствовал.

Падая с внушительной высоты – ХРЯСЬ! – он сильно повредил себе обе ноги и, главное, позвоночник. Из мужчины в расцвете лет превратился в калеку и с тех пор на открытый конфликт с сыном не шел – наследник как-никак, надежда и опора в старости.

А род Богарне, к которому принадлежала Анна-Мария, хоть шел от королевской династии Капетингов и принадлежал дому де Дре, действительно был довольно хилым да к тому же настолько обеднел задолго до начала повествования, что даже не мог дать за дочь приличного приданого.

– Нищоброды! – трясся костылями, бессильно бранился глава фамилии Бизанкур.

Все мало-мальски пригодное в качестве приданого в имени Богарне уже было отдано старшей дочери и сыну, а последышу досталось лишь свадебное платье матери, правда, с богатой вышивкой, и старинная Библия в кожаном тисненном переплете. Это добро берегли как зеницу ока на дне сундука. Вместе с сундуком молодым и преподнесли.

– И это все? – не удержался от ехидного вопроса батюшка Бизанкура, когда откинули крышку.

– Нет, – гордо возразил Ги. – Тут еще рубашка.

– Я ее сама сшила из тонкого льна, – потупясь, пробормотала невеста.

– И кружево это она сама плела, – не преминул похвастаться жених, точно кружево было его рук делом.

Он был очень растроган таким подарком. В пору их знакомства были и другие подношения от Анны-Марии – то румяное яблоко, то гроздь винограда, то тончайший платочек, то лента. Он считал себя изрядно облагодетельствованным этим трогательным проявлением чувств и ответил возлюбленной такой

взаимностью, что результаты любви не замедлили сказаться.

– Пузо-то на нос лезет! – простодушно всплеснула руками матушка Ги, заметив наконец оказию в местном храме после воскресной службы. – Что ж ты, сынок, наделал.

Венчал их, ввиду такого дела, отец Игнатий. Платы брать он не хотел, зная, что не только за душой девицы Богарне нет ни гроша, но и что состояние Бизанкуров нынче – не более чем пение сверчка в щели под полом.

«Да пропади пропадом эта ваша любовь!» – так напутствовал молодую чету освирепевший Бизанкур-старший. На свадьбе он сидел, мрачно скособочившись, и только кубок за кубком поглощал запасы из винных погребов.

Ги де Бизанкура это не смутило. Кое-что он смог скопить на продаже глиняной утвари, которую делали их крестьяне, кое-что сунула ему сердобольная матушка. А вот отец Анны-Марии, Франсуа Богарне, был рад-радешенек. Его хозяйство тоже изрядно обветшало, и сбыть с рук младшую дочку, тощую и тихую, он даже и не мечтал – как говорится, лишний рот. Но теперь этот лишний рот перекочевал в семейство Бизанкуров.

Перекочевало туда и еще кое-что.

Безумие.

Да, Анна-Мария была безумна. Это тщательно скрывалось от соседей, а родственники держали язык за зубами.

Обычно она была тиха, кротка и послушна. Но иногда на нее накатывало, и ей очень хотелось выколоть кому-нибудь глаза, укусить до крови. Было ли это одержимостью каким-нибудь демоном, неизвестно. По крайней мере, демон, если он и был, другим образом себя не проявлял, так что ее странности удавалось держать в тайне.

Семья ее была достаточно набожной, и Анна-Мария прекрасно знала, что такое грех, и еще она знала, что такое наказание – и Божие, и людское. В те моменты, когда в ней появлялась потребность причинить кому-то боль, она начинала жечь

себя каминными щипцами. Чтобы это не бросалось в глаза, она оставляла метки на внутренней стороне бедер, ниже коленей – в тех местах, которые и муж иной не увидит.

Не то чтобы она получала удовольствие от физических мук – нет, скорее, охлаждала свой пыл и переключала внимание с того, что было несомненным злом и грехом. Наказывала себя сама до того, как случилось бы непоправимое, и наказать ее пришлось бы кому-нибудь другому. Попросту казнили бы, да и все.

Матушка случайно застала Анну-Марию за очередным самоистязанием лет в двенадцать, в первые ее месячные. Списала на буйство первой крови и очень опечалилась. Только приказала дочери не болтать и по возможности держать себя в руках. Поди выдай замуж бесприданную да и полоумную к тому же – нечего и пытаться! Дочь в слезах просила прощения, обещав быть тихой и покорной. И обещание свое выполнила – никто, кроме матери, так ничего и не узнал. И вот – счастливый случай, потерявший голову от похоти Ги де Бизанкур...

* * *

На последнем сеансе в маленьком кинотеатре на окраине района Санкт-Паули народу было совсем немного.

Зрители пили пиво, сорили скорлупками фисташек, громко смеялись. На экран почти никто не смотрел. Кому интересны замшелые истории Средневековья, инквизиция и прочее мракобесие вроде сжигаемых на костре ведьм.

Третьесортный ужастик на околоисторическую тему. Молодежь зашла сюда от скуки, чтобы потискаться в темноте зала, выпить, потусить и повеселиться. И действительно, с точки зрения парней и их девчонок, это было дико смешно.

– Фу-у, эта дура червяка сожрала! – воскликнул паренек с челкой до носа и пирсингом в брови. – Тьфу, дерьмо!

– Так она щас и дерьмо чье-нибудь сожрет, – заметил другой подросток с зелеными волосами.

Остальные заржали.

Не смеялся только темноволосый голубоглазый молодой мужчина, которого действие на экране приковало к себе намертво. Он побледнел и вцепился в подлокотники кресла так, что костяшки его пальцев побелели.

– Забавно, правда? – промурлыкал рядом с ним низкий, с хрипотцой, женский голос.

Бизанкур, вздрогнув, уставился в темноту кинотеатра. Смутный абрис лица и темная вьющаяся прядь, но и этого было достаточно, чтобы узнать.

Белла. Они не виделись уже несколько лет, хотя когда-то были неразлучны. Что ее сюда принесло, интересно?

– Я здесь, чтобы напомнить, о чем нельзя забывать никогда, малыш-ш-ш, – хрипло мурлыкнул голос из темноты, и длинный шершавый язык скользнул по губам Бизанкура.

Когда-то эти прикосновения сводили его с ума. Сейчас – тоже, но если раньше это было вожделение, то теперь – отвращение и ужас.

Такие же эмоции вызывала и сцена на экране.

Молодая женщина стояла на коленях в углу курятника. Жидкие белесые пряди волос облепили ее потный лоб, а трясущиеся руки с обломанными черными ногтями шарили по земляному полу. Приглушенно квохтали куры, сухо шуршали спины и бока домашней скотинки, которая почесывалась о доски. Но вот к этим звукам примешалось жадное чавканье. Нет, это не свиньи ели из корытца, это женщина жадно поглощала что-то, держа это двумя руками, а под пальцами ее билось нечто живое и желтое. Цыпленок...

«Пом-мниш-ш-шь?..» – прошелестела рядом тьма. И он вспомнил. Он увидел это собственными глазами...

* * *

Где Бизанкур и жена его, Анна-Мария, были сеньорами довольно мирными и обыкновенными, добрыми прихожанами, не слишком требовательными к своим

крестьянам и спокойными соседями. Разве что плодовитость их побивала все рекорды здравомыслия, словно они сами были крестьянами. У них было уже шесть детей. И все девочки. Просто из ряда вон. Приданого на всех не напасись, нечего и думать – разве что отправить девчонок в монастырь. А мальчика родить, наследника, опору в старости, Господь их так и не сподобил. Но они надеялись и продолжали свои старания...

Обычно инициатором супружеского соития выступал сам Ги, как и подобает мужчине, главе семейства. Но в тот день Анну-Марию словно подменили.

Всегда тихая и скромная, она вернулась из сада с полной корзиной румяных яблок непривычно возбужденной и оживленной. На землю пали тихие сумерки, но спокойствие и пасторальность этого времени суток несколько нарушили довольно необычное поведение матери семейства.

– А я сейчас в саду змею видела, – проговорила она, ставя на пол корзину, и невпопад хихикнула.

– Да что ты, – обеспокоился Ги. – Где? Не гнездо ли у нее там?

– Постойте, я не к тому, – остановила его жена и снова странно усмехнулась. – А вот представь, сеньор мой, что это тот самый змий был, что через Еву Адама искусил, а?

Ги оторопело смотрел на жену, не понимая, к чему она клонит.

– И представь еще, что вот именно я и есть Ева, – не унималась супруга.

– А я Адам? – начал прозревать муж.

– А вы именно что Адам, – подтвердила Анна-Мария, продолжая посмеиваться. – И вот я прихожу к вам... держа яблоко в руках...

Она вынула из корзины самое большое и нахально красное яблоко и, играючи, подкинула его на ладони:

– И говорю вам: «Супруг мой, это самый вкусный плод, хоть и запретный. Примете ли вы плод сей из моих рук?»

– С радостью, услада сердца моего, – наконец сообразивший, что это за игра, отец шести девиц рванулся к супруге, но та закусила удила.

– Не раньше, чем догоните меня, – рассмеялась она, запустила яблоком в мужа, подобрала юбки и выскочила в дверь.

К чести де Бизанкура будет сказано, яблоко он поймал на лету, а вот жену столь же ловко перехватить не успел и помчался за ней в сад, словно пылкий сатир за нимфой. Немногочисленные домочадцы и слуги, которые стали свидетелями этой сцены, наблюдали за этими скачками с добрыми усмешками и перемигиваниями. Тем временем небо потемнело, налетел ветер, а где-то невдалеке послышались первые едва слышные раскаты грома.

Ги настиг игривую свою женушку у того самого сарая, что ладил когда-то его батюшка, прямо со стропил которого был столь неудачным его полет.

Сарай был построен на совесть, поэтому, когда начался дождь, через крышу не просочилось ни капли, и ничто не потревожило супругов, которые, словно молодые любовники, резвились в душистом сене. Напротив, каждый новый раскат грома и каждый новый удар молнии раззадоривали Анну-Марию, а ведь прежде она грозу недолюбливала. Более того, предпочитавшая во время любовных утех отдаваться воле супруга, сейчас она словно с цепи сорвалась и повела себя, словно бесстрашная наездница, вскочивши на него верхом. «Лилит», – с очередным сверканием молнии почему-то вспыхнуло у него в голове. Ибо именно Лилит за подобные вольности была изгнана из рая прежде главного грехопадения Адама и Евы.

Подобными рассказами потчевал отец Игнатий, их семейный духовник, юного Ги. Стоило ли удивляться каше, которая происходила в его голове, когда он пробовал задаваться богословскими вопросами. А ведь он, бывало, говорил жене, что неплохо было бы ей иногда брать займы у Лилит немного ее смелости в делах любовных. И зачем надо было невинные супружеские вольности преподносить жене как грех, да еще ставить в пример супругу Люцифера? Понятно, что запретный плод сладок, и бедная Анна-Мария изначально была уверена, что за сладость эту ее непременно накажут...

Любострастное помешательство, которое на время овладело Анной-Марией, больше не возвращалось, к тихому разочарованию Ги де Бизанкура. Он кружил вокруг нее, словно шмель возле цветка, изводя намеками на продолжение страстей «как во время грозы», но Анна-Мария вернулась в свое тихое покорное состояние и только краснела и отмалчивалась.

– Где эта чертова змея, с которой все началось?! – выходил из себя первое время Ги, в самом деле надеясь, что если он обнаружит и разорит ее гнездо, то вернет буйную похоть супруги, столь поразившую его воображение на сеновале.

Но нет, змея исчезла бесследно. А может, в самом деле не было никакой змеи... Тем временем Анна-Мария вновь понесла, и плод на сей раз вел себя совсем не так, как предыдущие. Он и толкаться начал раньше и сильнее, и требования предъявлял, словно командовал уже из утробы матери – ей хотелось то соленого, то кислого, то сладкого, то горького, то холодного, то почти кипящего.

Один раз, торопясь, чтобы никто не увидел, и ужасаясь себе, она съела дождевого червяка.

ЧЕРВЯКА!

Расскажи ей кто, что она это делает, Анна-Мария просто не поверила бы, да еще и очень обиделась бы. Тем не менее, когда скользкое и кольчатое длинное тельце оказалось у нее во рту, она испытала необыкновенное удовольствие и торопливо проглотила его, словно устрицу. Даже на вкус он показался ей похожим на этот морской деликатес, который когда-то им привез в подарок их родственник, Пьер-Роже де Бофор, о котором впоследствии будет сказано немало, потому что стал он папой римским, Климентом Шестым...

Меж тем Анна-Мария одним червяком не ограничилась. Также от ее странного аппетита пострадали и слизни, и виноградные улитки, которые водились у них в изобилии. Если бы Анна-Мария утруждала себя приготовлением утонченных лакомств из этих созданий – так нет ведь. Она жадно поглощала их сырыми и живыми, заталкивая в рот часто вместе с землей и листьями, не думая, как это выглядит со стороны. Хорошо, что у нее хватало ума прятаться во время своих безумных пиршеств, потому что выглядело это отвратительно.

Наконец один раз после дождя она обнаружила на садовой дорожке небольшого лягушонка, который беспечно скакал по своим лягушачьим делам, не зная, какая страшная участь его ждет. Стремительно ухватив прохладное земноводное нежной растопыренной пятерней, Анна-Мария отправила его в рот вместе с комочками грязи и с поистине адской алчностью сжала челюсти. В рот ей хлынули кровь и холодные внутренности. И – нет! – ей отнюдь не было противно. Мыча, словно умалишенная, пуская пузыри и слюни, она принялась жадно перемалывать зубами добычу. Той же участи подверглись еще несколько лягушат.

А прожорливый жилец, поселившийся у нее в животе, продолжал буйствовать. Спустя некоторое время Анна-Мария, воровато оглядываясь, посетила курятник. Переполоха она не наделала, поскольку тщательно следила за хозяйством и порой наведывалась собственноручно подоить козу или покормить птицу, так что пернатые вели себя спокойно. Они не устроили галдежа даже тогда, когда их хозяйка взяла пушистое тельце недавно вылупившегося цыпленка, поднесла его ко рту, словно намереваясь нежно подуть на пух либо поцеловать, но вместо этого откусила ему голову.

Жажда к поглощению холодных и скользких амфибий сменилась алканием теплой крови и плоти. Цыпленок в несколько минут был перемолот крепкими челюстями, пока что зубы Анны-Марии были в целости, только тонкие косточки похрустывали. Останки же – клювик, коготки, крошечный череп и шкурка с пушком – после колебаний были отброшены под ноги птичьему поголовью и затоптаны в опилки. Руки Анны-Марии тряслись, и вовсе не от стыда за содеянное – ей было по-настоящему страшно. Единственный, к кому она могла бы обратиться за помощью, был все тот же отец Игнатий, а кому, как не своему духовнику на исповеди, можно было рассказать о подобных чудовищных делах своих. Но она просто не могла заставить себя выдать ни слова. Она знала, что немедленно умрет, вымолвив хоть слово о том, что с ней происходит, либо ее муж, случайно узнав хоть что-то из того, что она так тщательно скрывала, откажется от нее, что было бы для нее равносильно смерти. Наконец ее просто могли сжечь на костре. А она подозревала, что эти ее экстатические помутнения с юных лет не обходились без нечистой силы.

Но как, когда это случилось? Ведь она всегда была так набожна. Всегда слушалась мужа, смотрела за детьми и хозяйством. И вот такая беда. Та ночь любви на сеновале осталась в ее памяти как помутнение. Несчастливая женщина уже тогда понимала, что в нее вселилось что-то, не бывшее ею. Она много раз

пыталась вспомнить подробности той ночи, но в памяти все заволакивалось душным и алым. Муж видел это, но, конечно, приписывал различным недомоганиям, какие бывают у женщин на сносях.

Впрочем, во второй половине беременности странные припадки, слегка напоминавшие одержимость, слава богу, сами собой сошли на нет.

Зато создавалось впечатление, что ребенок пожирает мать изнутри. Волосы стали вылезать у нее клоками, внезапно зашатались и выпали один за другим несколько зубов.

– Это все из-за того, что я совершила страшный грех, грех, грех, я грешница, – исступленно молилась она, теряя сон и аппетит, и только ради ребенка заставляла себя есть и спать. – Прости меня грешную, Господи!

Но и ночью ей частенько не было покоя – ребенок внутри матери вел себя так необычно, что это уже начали замечать окружающие. Живот ее под сорочкой вдруг неожиданно вздувался буграми, словно опасный зверь хотел вырваться на свободу. Последний месяц Анна-Мария жила в аду своих мыслей, пытаясь спастись от них беспрестанным чтением молитв. Лицо ее осунулось и почернело, худые руки и ноги и вовсе стали напоминать высохшие палки. Все чаще отец Игнатий скорбно покачивал головой.

– Прошу вас... Прошу вас, помолитесь обо мне, спасите мою душу! – запекшимися губами и почти беззвучно прошептала ему один раз Анна-Мария незадолго до родов. – Я страшная, страшная грешница!

– Может быть, мальчик на этот раз, господи спаси, вон какой настырный и нетерпеливый, – шептались домашние, покуда беременная «мадонна», наклонясь над заботливо подставленным тазиком, извергала из себя скудный ужин, а перед не менее скудным завтраком – зеленую горькую пену.

И такая мука была в глазах Анны-Марии, что духовник, покрывшийся холодным потом, немедленно принялся исполнять ее просьбу и несколько дней почти неотлучно дежурил у ее постели, покуда не подошел срок.

– Ах, дитя, – скорбно говорил отец Игнатий. – Не зря называют женщин «сосудами греха». Я молюсь о тебе денно и ночью и рад бы облегчить твои

страдания, но, видно, недостает мне сил. Их хватит у милосердного Бога нашего, поэтому и ты молись, дитя, и вы молитесь, малые чада!

И несчастная усердно шептала слова молитв, доводя себя до полного иступления и изнеможения, мужа – до отчаяния при виде ее состояния, а дочерей – до слез. Все ревностно молились, и воздух был наполнен шепотом, запахом ладана и потрескиванием свечных фитилей.

Внезапно отошли воды, слава господу, светлые и чистые. Ребенок, между собой прозванный домочадцами Левиафаном, стал яростно рваться из матери наружу, выдирая внутренности, выплескивая комки крови и слизи. Анна-Мария не жаловалась и даже не кричала, только дышала прерывисто, со всхлипами, совершая свое «великое деяние». Она всегда все старалась делать хорошо, понимая, что рук в их семье не хватает, а ртов более чем достаточно. Конечно, черной работой она не занималась, на то были крестьяне, но и уследить за всем хозяйством, давая всем своевременные задания, да еще и присматривать за их выполнением, было трудом нелегким. Особенно когда перманентно мешает живот, а за многочисленные ветхие юбки цепляются многочисленные девичьи пальчики. Роды, как ни странно, всегда давались ей легко. Но в этот раз...

Глаза роженицы были устремлены сквозь стену, а губы повторяли имя мужа, словно она таким образом хотела обрести его поддержку.

– Головкой пошел ребеночек, слава богу! – торжествующе вскричала повитуха. – Голова-то, прости господи, какая большая! Тужься, голубица моя, напрягись! Ну же!

Ей вторил адский гром, который нещадно и с треском рвал полотнище небес. А ребенок немилосердно рвал тщедушное тело роженицы, явно не приспособленное к таким испытаниям.

Светлые волосы ее прилипли ко лбу, глаза вылезали на лоб от потуг. Повитуха со свекровью подбадривали бедняжку, умоляя ее терпеть и стараться. И та старалась изо всех сил. Было такое впечатление, что несчастная давно отдала Богу душу, а тело ее по инерции еще силилось вытолкнуть дитя на свободу. Наконец младенец рыбкой вынырнул в подставленные нагретые простыни и тут же, фыркнув, протестующе и требовательно закричал на весь дом. Мальчик.

Но опасения отца Игнатия в этот раз оправдались, к печали всех участвующих в этой жизненной драме, – первый крик ребенка прозвучал одновременно с последним вздохом Анны-Марии.

– Отмучилась, бедняжечка, – горестно прошептала повитуха, когда поняла, что обессиленная тряпочка, в которую плод любви превратил свою мать, больше не жилица на этом свете.

В одночасье Ги де Бизанкур овдовел. Растерянно стоял он над телом жены, держа в руках обмытого, вытертого, запеленутого кое-как и брыкающегося сына. Красавца-крепыша. Седьмого отпрыска и первого наследника. Да только что наследовать-то?..

Не радовали даже милые дочери его, которые бледными скорбными тенями тихонько проплывали рядом, радуясь брату и оплакивая мать, и наконец ушли на женскую свою половину, сбившись стайкой и печально, тихо щебеча.

Бизанкур-старший в гневе и горести тоже укывлял на своих костылях в дальние покои. Там он, как обычно, нашел утешение в запасах вина, коего в их подвалах водилось в изобилии, – а что ему еще оставалось делать.

– Имя, имя надо ребеночку дать скорее, – суетилась шепотом кормилица. – А то неровен час...

Она не договорила, но и так было понятно, что она опасалась, как бы малыш вслед за матерью не отправился к праотцам. Мальчиков нарекать в то время принято было следующим образом. Вначале должно было идти имя деда по отцу, а это был Жан. Затем следовало имя деда по матери, а это был Жак. Наконец надлежало присовокупить имя святого покровителя, а им оказался Альбин из Анже, аббат и епископ. Из этих трех имен потомок Бизанкуров мог впоследствии выбрать себе любое, дабы представляться им.

Отец Игнатий покрестил Жан-Жака-Альбина, который горланил во время церемонии, и отпел несчастную почившую роженицу.

Ги потерянно бродил по дому, пытаясь баюкать неистово орущего голодного отпрыска, пока ребенка не отобрали и не приложили к груди кормилицы.

Бедную Анну-Марию работники снесли в домашнюю часовенку, где ей надлежало во тьме и одиночестве ожидать, покуда не подойдет срок погребения в их фамильном склепе.

А дождь все лил и лил, и громы небесные продолжали сотрясаться над очередной семейной трагедией, полностью к ней безучастные.

* * *

Жан-Жак вскочил со стула в кинотеатре и, согнувшись в три погибели, поспешил к выходу.

- Это мать, это была моя мать... - бормотал он.

Его тошнило.

Белла догнала его. Как смертельная болезнь, она проникла в его естество и теперь выжирала его изнутри, методично, клеточка за клеточкой. Иногда он не мог спокойно есть, спать, развлекаться - повсюду подстерегали его воспоминания. Он шел точно по заминированному полю, нашпигованному воспоминаниями, и каждое в любой момент могло открыться в сознании со взрывом, от которого часть его психики разлеталась вдребезги.

В любой. Проклятый. Момент. Вот как сейчас.

Даже дурацкое кино он посмотреть спокойно не мог - оно превратилось в его собственную, пусть и прошлую, вглубь на много веков, жизнь. Прошрое настигало его, словно чудовище, хохоча с разинутой пастью, полной острых мелких зубов...

- Э... братан, ты че, слепой?! - возмущенно окликнул парнишка, мимо которого протискивался Жан-Жак и, видимо, задел его.

- Сорян, бро, - глухо бормотнул Бизанкур, торопясь покинуть зал.

И, едва он выскочил за дверь, как его вывернуло наизнанку. – Бли-ин, фу-у, – воскликнула какая-то девушка, поспешно отскакивая в сторону, чтобы ее не задела брызги. – Вот урод!

Не обращая на нее внимания, Жан-Жак поплелся прочь.

– Надо отвлечься, – пробормотал он, сцепив зубы, и пожалел, что не остался тогда с этой симпатичной сучкой Кейт, что приставала к нему в баре «Спящий медведь», и ее подружкой поумнее.

Но не возвращаться же. Даже если он, как обычно, сменит облик, это будет выглядеть слишком подозрительно. Снова два трупа – слишком на виду. Нет, в своем гнезде он точно гадить не будет. Это вам не Средние века... Насколько проще тогда было! Человеческая жизнь не стоила ровным счетом ничего. А сейчас руки его тряслись, как у наркомана в ломке, челюсти сводило. Он не помнил, когда чувствовал себя столь паршиво.

Белла.

Зачем она явилась? Что ей от него надо? Она никогда не являлась просто так. От нехорошего предчувствия засосало под ложечкой, и он вновь уставился на свои дрожащие руки.

Как и полагается рукам аристократа, они были ухожены и изящны – длинные сильные пальцы, овальные аккуратные ногти, благодаря уходу лучших маникюрных салонов. Но почему-то сегодня очень вздулись вены. Словно сизые черви. Как у старика. Бизанкура передернуло.

Нет, пить он не станет, это удел быдла – надираться, блевать, а наутро маяться похмельем. Его и так уже тошнило сегодня, хватит. И эта дурацкая попытка развеяться с помощью музыканта и проститутки. Бред. Нет, он утешится совсем по-другому...

Он вытащил из внутреннего нагрудного кармана тоненький айфон, набрал все еще пляшущими пальцами короткий номер, тихо шепнул несколько слов, нажал отбой и стал ждать. Через пять минут бесшумно подкатил темный «рэнджровер» с неприметным водителем. На заднем сиденье примостилась детская фигурка с наброшенным на голову черным шелковым мешком. Они безмолвно тронулись в

путь. Ребенок, одурманенный наркотиками, слабо постанывал. Скоро он придет в себя.

Машина, выехав из города, припарковалась у заброшенного сарая. Это была одна из многочисленных точек, которая снаружи выглядела вовсе не так, как внутри. Один только взгляд на внутреннее убранство помещения изобличил бы в нем изощренную камеру пыток, оснащенную по последнему слову техники. Многие устройства были изобретены самим Бизанкуром – интерес к разного вида технике был не чужд ему с детства, и умение это ему пригодилось, когда он выдумывал новые штучки для развлечения. Не стоит их даже и описывать, чтобы уважаемый читатель мог спокойно спать по ночам...

Никто не хватится этого ребенка, не будет искать. Бизанкур давно уже позаботился о налаженной сети подобных точек – и там, где можно было достать, в зависимости от пристрастий, такого ребенка, девушку, женщину, мужчину, старика или инвалида любого пола и возраста, и там, куда можно было их отвезти для особенных развлечений. Эти точки были созданы им во многих и многих областях мира, на протяжении многих и многих лет. Веков...

– Часа через два приберешь здесь все, – негромко распорядился Жан-Жак.

Водитель безмолвно кивнул, а Бизанкур покинул машину, неся на плече почти невесомую, все громче стонущую фигурку. Внутри, на глубине нескольких этажей, куда доставил их лифт, была надежная звукоизоляция...

Через час с небольшим он вышел из неказистого здания один, снова набрал номер. Подкатил темно-серый, неразличимый в темноте, «бентли», и Бизанкур, погрузившись в него, продремал до самого дома – лучшей в Гамбурге гостиницы, «Четыре времени года». Он был удовлетворен и расслаблен. Правый обшлаг его рубашки был слегка выпачкан кровью. Впрочем, ерунда. Бизанкур, перед тем как высадиться, переоделся прямо в машине. Никто и никогда больше не увидит эту рубашку. Как и маленькое худенькое тельце...

Глава 2

Снова Гамбург. Прыжок в прошлое и новая сделка

На улицах города трех «М» в этот вечер было дождливо и немногочленно. Жан-Жак-Альбин с утра не выходил из своего роскошного пентхауса в отеле «Four Seasons» и расхаживал там абсолютно нагим с пультом в руках, краем глаза поглядывая на огромные плоские мониторы на стенах, где отряд красоток занимался показательным фитнесом на камеру. Потом он включил музыку и подошел к большому зеркалу. Увиденное его насторожило и удивило.

– Эт-то что еще?.. – нахмурился он, приблизившись к зеркалу практически вплотную. – Вчера вечером этого не было...

В отражении показались довольно заметные мешки под глазами и темные круги. Но и это не все – за одну ночь «расцвела» паутиной целая сеть морщин, которая заметно безобразила внешность. Еще вчера вечером он обратил внимание, как старчески вздулись вены на его руках. Отвратительно. Старость, увы, всегда безобразна, хоть некоторые и называют отдельные виды старения «благородными». Как бы «благородно» ты ни покрывался ее признаками, означают они только одно – скоро ты умрешь.

Жан-Жак-Альбин никогда не был беспечным, ну разве что по молодости. Конечно, он помнил, сколько лет ему полагалось по договору – шестьсот шестьдесят шесть, но он также знал, что и эта цифра конечна, и порой в тревоге задумывался о том, что же будет с ним потом. Сколько бы лет человеку ни было, умирать не хочется никому и никогда. Человеческая природа такова, что пока он живет, то не думает постоянно о своей конечной точке. Думать о ней ежедневно значит сойти с ума, а кому же хочется сойти с ума.

Благо Бизанкуру это не грозило, но он все же изначально имел человеческую природу. А любое человеческое существо, как это ни прискорбно, имеет свое начало и свой финал.

– И что теперь? – спросил он у собственного отражения.

– А все, – рассмеялась Белла, соткавшись, как всегда, из воздуха.

Белла. Адская тварь.

Нет, не Белла. Демон лени и праздности, Бельфегор, от начала времен умеющий принимать образ соблазнительной красотки. Сейчас она сидела на его постели и подпиливала ногти.

- Часики твои дотикали, малыш. - Дива оторвалась от своего увлекательного занятия и подняла на него невинный взгляд. - Ведь ты же понимал, что когда-нибудь это случится. - Понимал, но...

- Шестьсот шестьдесят шесть лет - число, безусловно, внушительное, - перебила она, беззаботно поглядывая на то, что у нее получалось. - Но и оно конечно. Как раз сегодня утром начался твой последний год. И за этот год ты пройдешь все фазы увядания, на которые обычному человеку отводится лет пятьдесят, ну или сколько там у вас, людей, это обычно занимает. Представляешь, какие мы молодцы, что не стали растягивать этот процесс?

- Молодцы?! - в гневе рванулся к демону Бизанкур.

- Но-но! - моментально отреагировала красотка.

Не вставая с постели, она вытянула руку, и та удлинилась ровно до того места, где стоял Жан-Жак. Ладонь Бельфегора охватила его горло, а безукоризненно подпиленные ноготочки впились в кожу. Коготки оказались металлическими и донельзя острыми, и он в ужасе почувствовал, как по спине стекает что-то теплое. Повернувшись - он по-прежнему стоял возле зеркала, - Бизанкур увидел, что спина его украшена красными ручейками. Это была его собственная кровь. - Хочешь, мы сократим процесс старения до нескольких минут, а? - сладко улыбнувшись, предложила Белла. - Зачем тебе мучиться целый год, правда?

Он знал, что демон шутить не будет. Жан-Жак никогда не был особо умным, но и дураком он не был тоже. Ручейки крови смешались с ручейками пота. Разумеется, он испугался. И мозг его лихорадочно искал решение.

- Я прошу прощения... - прохрипел Бизанкур. - Я был очень напуган! И я прошу... прошу...

- Извинения принимаются, - усмехнулась Белла, разжимая руку, и Жан-Жак рухнул на ковер. - Так чего еще ты просишь у меня, смертный?

– Продлить договор! – горячо заговорил Жан-Жак, потирая горло. – Я могу стать и политиком, и...

Демон расхохотался так, что затряслись стены.

– Продлить договор? Политиком?! Наивный глупец! Да люди без всяких ухищрений и антуража, вроде вызова дьявола на дом и продажи души с кровавой подписью, вершат на земле такое зло, что в аду только облизываются! Особенно нынешние политики. Настоящие, заметь. Они работают на нашей стороне совершенно бесплатно и с удовольствием. Зачем мне теперь договор с тобой? Сейчас уже не Средние века. Уж больно много развелось таких, как ты.

Голос Беллы был холоден, и Жан-Жак с внезапной беспощадностью осознал: все. Он проиграл.

Когда мы покупаем новый нож, мы чистим его, точим, стараемся оградить от влаги просто потому, что он нужен нам для определенных целей, – и только-то. Это удобный и полезный для нас инструмент. Таким инструментом и был Жан-Жак. Раньше он об этом не задумывался. А думал только об одном: сколь милостивы к нему его покровители, как балуют его, как потакают любим его прихотям и защищают от всех напастей. Мысль о том, что его, как инструмент, могут просто выбросить, если он сломается или заржавеет, просто не приходила ему в голову.

– Вы... вы хотите просто выбросить меня, как ненужную вещь, отработавшую свое?! – в отчаянии воскликнул Жан-Жак.

– А чего ты ждал? Доброты и милосердия? – пожала плечами Белла. – Так за этим не к нам, а...

Она выразительно потыкала пальчиком в потолок и наморщила хорошенький носик.

– Но теперь, скорее всего, поздно, – беспечно продолжила она. – За эти годы ты себе своими резвостями заработал вечность в аду. В качестве почетного грешника.

Бизанкур всем своим видом излучал такую растерянность, что сжалился бы даже камень. Белла внимательно рассматривала его, что-то прикидывая.

– Знаешь... – задумчиво протянул демон. – Нет, не подумай, что я сжалился. Просто я твой покровитель, а ты неплохо работал. И тебе полагается вполне заслуженная премия – новая сделка. Принципиально новая, не то, что ты делал обычно.

Демон дождался, пока Бизанкур переварит услышанное, а оно прозвучало для него райской музыкой (вот оксюморон!), как отмена приговора смертнику. В определенном смысле так оно и было. Дождавшись вполне осмысленной радости в глазах Жан-Жака, Белла кивнула:

– Итак, слушай внимательно и запоминай. Ты давно в курсе, что идет тысячелетняя война светлых и темных сил. Светлое войско не дремлет, а Тот, Кто Отец ему, думает, что добром и светом можно спасти мир. Само по себе светлое войско не так сильно, его нужно укреплять. И вот совсем недавно в разных концах земного шара родились семеро детей. Не в один день и час, конечно, разброс до нескольких лет, чтобы вычислять сложнее было. Казалось бы, подумаешь, детишки. Помнишь, как мы их кушивали?.. Пачками! Ну, еще вспомнишь, время будет... Да это еще не все.

Белла легко поднялась с постели и подошла к окну, храня на лице выражение нахмуренной задумчивости. Постояла там и обернулась:

– Это не обычные дети, – продолжал демон. – Это семь, мать их, христианских добродетелей. И им предстоит стать апостолами Нового Мессии во втором его пришествии. – Что? – после паузы переспросил Бизанкур.

– Ты не глухой, повторять не буду, – еще больше нахмурился демон. – И просто так их не убьешь, на них с рождения охранная печать сам знаешь Кого. Ты думаешь, как мы узнали про апостолов? Как я и говорил, на нас всегда работают те, кто охотно помогает нам без всяких договоров и кровавых подписей. Вычислять детей с охранными печатями, семерых на всю планету, да разного возраста, да в разных странах, было невероятно трудно. Но главная часть работы выполнена, найдены все. Осознай, как велика наша сила, могущество и возможности!

– А мне что делать? – недоумевающе спросил Жан-Жак. – Если на них... охранные печати.

Белла поморщилась:

– Ну давай уже не будем играть в Фернана Пико... Не тупи, как этот твой кадавр. Ты же крестник семи смертных грехов. Есть лазейка, разумеется, печати сорвать можно. Я расскажу тебе, как это сделать, но придется попотеть. Итак, святость детишек уравнивается тем, что человек по природе своей склонен к пороку. Не потому, что рождается таким изначально, нет, человек рождается совершенно чистым листом, пиши на нем что хочешь. Но человек слаб, об этом знает даже... – Вновь перст Беллы указал вверх. – В первую очередь именно Он. Человек всегда таким был, и мы сразу воспользовались этим, послав к нему змея-искусителя. – Белла желчно рассмеялась. – Игра только началась – и такая победа! Величайшее грехопадение! Изгнание из расслабленного и беспечного рая тех, кого Он посчитал венцом творения. Такой вот венец творения! Адам и Ева оказались дураком и шлюхой. Потом началась эта нуднота на долгие и долгие сотни и тысячи лет. Карабкаются в собственных нечистотах, а куда? Туда, ввысь, к свету? А вот на-ка, выкуси, мы успешно скидываем человечков с любой горки, куда порой возносится их склонный к гордыне дух. И нас много, и мы неутомимы, потому что имя нам – Легион, а искутить человека можно легче легкого. На каждую добродетель найдутся порок и грех, запомни это, мой мальчик, если до сих пор не понял.

Белла захохотала так, что затряслись стены. Но к ним в номер не прибежал никто, потому что любые потусторонние вибрации надежно экранировались всякий раз, когда это было необходимо.

– Тебе нужно помнить только одно – человек грешен и слаб, – отсмеявшись, жестко произнес демон лени. – Не нужно его щадить. Ты хороший исполнитель и уже доказал это не раз. Надеюсь, и сейчас не подкачаешь. Хотя это задача нелегкая, ох какая нелегкая. Старайся. Помнишь, как ты старался для родича и покровителя своего, Климента Шестого? А на самом деле-то не для него, конечно... Хоть и был он искусным политиком и одним из наших лучших слуг, да все равно кончил плохо... А ты же не хочешь плохо кончить, сладенький мой? Прошное забывать нельзя-а-а, это как корни дерева. Корни оборвал – дерево упало... Да?

Нежная наманикюренная ручка приподняла за подбородок голову Бизанкура, и тот ощутил, насколько крепка эта хватка. Он тут же вспомнил, как проводил дни юности у своего земного покровителя и с чего началась его адская карьера на Земле. Память его сделала головокружительный кувырок в далекий четырнадцатый век, в самый разгул Черной Чумы, которая выкосила пол-Европы и так часто являлась в кошмарах Бизанкуру. Забыть все обстоятельства было просто невозможно, память подсовывала все более изощренные подробности...

* * *

Был у Жан-Жака в пору отрочества знакомец, с которым они частенько пересекались на занятиях при дворе его именитого родственника, Климента Шестого. Он с Бизанкурами были седьмой водой на киселе, но папа звал его племянником – отличная первая ступень для карьерного роста. А знакомца звали Фернаном Пико.

Круглый сирота, подобранный папой римским из милости, одногодок Жан-Жака, он не блистал ни талантами, ни усердием, а был липучим, словно муха, и вечно отирался возле тех, кто казался ему более сильным, более знатным, более богатым и успешным. Пребывая в их тени, Фернан казался и самому себе гораздо значительнее.

Обратился как-то Климент Шестой к своему протеже, Жан-Жаку-Альбину де Бизанкуру с особым поручением.

– Мальчик мой, – сказал он. – Наступило время взрослеть. У тебя есть неплохое образование и дары, врученные тебе при рождении твоими «крестными» с другой, темной стороны. От Бельфегора – умение мгновенно овладевать чужими языками, от Маммоны – богатство и удача в делах, от Вельзевула – способность менять внешность, от Сатаны – сила и уверенность в своей правоте, что бы ты ни делал, Асмодей одарил тебя способностью к точным наукам, искусному ведению боя и обольщению, а Люцифер – гордыней. Не все они не проявятся разом, а будут возникать в тебе по мере необходимости.

Жан-Жак почтительно поклонился.

- Теперь же ты должен отправиться в Авиньон, - продолжал папа, - за пределы резиденции, с заданием, которое впоследствии нас всех весьма обогатит. Ты даже не представляешь насколько. Наши покровители с темной стороны устроили так, что за грехи людские на них пала чума. А любая эпидемия - это рычаг управления в умелых руках. Для начала нужно, пользуясь общим невежеством, распространить слух, что чума - это дело рук неких отравителей.

- Отравителей? - переспросил Жан-Жак, не вполне понимая.

- Мнимых, конечно, - терпеливо разъяснил папа. - Нужно просто бросить этот слух, словно камушек, в толпу, а уж дальше толпа сама сделает свое дело - придумает, кто его бросил, с какой целью, украсит подробностями, и совершенно неважно, правдивы будут эти слухи или лживы от первого до последнего слова. Об этом потом будут с пеной у рта веками спорить историки, философы, медики и простые люди.

- И как же это поможет нам заработать? - спросил предприимчивый юноша.

- Страх, мой мальчик, - подмигнул папа римский. - Страх породит сомнение и панику, а уж дальше я сам позабочусь, как повернуть их в нужное русло, - я ведь, помимо всего прочего, политик. Не стесняйся придумывать любую ерунду. Народ у нас доверчивый, он проглотит еще и не такое. К примеру, можешь рассказать, что мой перстень с изумрудом - да, вот этот - сильнейшее средство от чумного мора. И когда я поворачиваю его на юг, то... ну я не знаю, ослабляю действие чумного яда. А когда на восток, то... То уменьшаю опасность заражения. На самом деле я очень верю в умение своего врача, Ги де Шолиака. Он действительно очень умен, с молодых ногтей занимается наукой и постоянно исследует что-то новое.

- Превосходно, но одному мне не справиться, - озаботился Жан-Жак. - Мне нужен помощник.

- Здравая мысль, - одобрил патриарх. - Есть ли у тебя кто-либо на примете?

- Пожалуй, ваше святейшество. Это Фернан Пико.

- Тогда действуйте, не мешкая.

Если бы они только знали, чем это кончится...

* * *

Уговорить Фернана не составило труда, а небольшой мешочек с монетами прибавил просьбе убедительности.

– А зачем это? Ну, байки рассказывать? – заикнулся было Пико.

– Вот за этим, дурила, – вновь потряс перед его носом монетами Жан-Жак.

– Будет сделано! – легко согласился тот, ловко пряча мешочек в складки своего одеяния.

– В общем, запомни, – напутствовал Бизанкур. – Чума – это дело рук отравителей. А средства от нее – молитвы. Вот еще что...

И он нашептал Фернану несколько методов, которые сейчас только в детском саду можно рассказывать, а в четырнадцатом веке на удочку подобных рассказней попадались многие и многие.

Похоже, и сам Фернан Пико тут же уверовал в свои сказки и, выпучив глаза, шнырял по дворам и улицам, болтая небылицы.

Уже на следующий день Авиньон кишел слухами, что от чумы есть простое средство. Зараженному нужно прийти в многолюдное место и передать болезнь другому. Не просто заразить, а снять с себя, как проклятие, свято веря, что чума уйдет. Но они лишь заражали...

Кроме того, как рассказывали юные лукавые посланники, помощь роду людскому могло оказать только заступничество святых, которых нужно неустанно призывать молитвами, а утихомирить Божий праведный гнев можно только истязаниями грешной плоти.

Но, увы, как это порой бывает, Фернан перестарался.

Незадолго до того он поссорился с одним еврейским мальчиком, Иегудой бен Иоффе.

- Отдай мои груши! - завопил тот, обнаружив пропажу.

- Какие такие груши? - прикинулся дурачком воришка Пико.

- Сушеные, мне матушка дала, - не отставал обкраденный бен Иоффе. - Ай, не стыдно ли тебе, вот же мой узелок из-под подушки у тебя торчит!

Фернан получил от него тумачков вполне заслуженно, но затаил обиду.

- Жадный ты, как и весь ваш народ! - бросил он и поклялся отомстить.

Очень удачно подвернулось поручение Жан-Жака. Но фантазия Фернана зашла слишком далеко - он стал рассказывать, что именно евреи разбрасывают повсюду какие-то вонючие порошки, отравляя ими даже колодцы.

Россказни эти дорого встали еврейскому народу, как выяснилось впоследствии, и довольно скоро - ведь зараза сплетен распространяется столь же быстро, как и чума. И запылали костры, и стали повсеместно преследовать народ, распявший Христа, а теперь вдобавок еще и желающий смерти остальному роду человеческому - чего проще следовать подобным обвинениям.

Папа римский только диву давался, сколь колоссальный размах приняла его затея. Спустя несколько лет ему пришлось самолично встать на защиту евреев и даже угрожать отлучением от церкви каждому, кто посягнет как-то притеснять или угрожать их жизням. Он доказывал, что несчастный народ был смущен и соблазнен самим дьяволом.

- Не может быть правдой, что евреи являются причиной чумы! - пламенно доказывал он в прилюдных речах и статьях. - Ибо во многих частях мира та же самая чума скрытым судом Божиим поражает и самих евреев, и многие другие народы, которые никогда не жили рядом с ними!

Однако же все было тщетно. Папа хотел бросить камушек в толпу. Вот и бросил. Вот и началось. Не помогали ни специально выпущенные буллы, ни угроза

анафемы – массовое помешательство уже захватило целые народы.

– М-да, – осознавая дело рук своих, заметил Климент Шестой. – Как, однако, просто разрушать и осквернять что-либо, и сколь много сил уходит на то, чтобы сделать что-то поистине полезное для человека. Род человеческий глуп и грешен по сути своей. Так пусть же ему воздастся по заслугам.

Но воздалось не роду человеческому, а шарахнуло напрямик по церковнослужителям. История баснословных обогащений всегда замешана на крови, грязи и огромном риске.

А этими методами политики действуют в любом веке, хоть в четырнадцатом, хоть в двадцать первом. Слова немножечко другие, а суть та же. Напустят туману и эпидемий, и ну деньги делить – такие, что простому человеку и не снились.

– Это вам за разврат! – кричали меж тем энтузиасты из народа, порицая клириков. – Вы продажны и служите не церкви, а сатане! И молитвы ваши болезни не помеха, а один сплошной обман!

Недовольство и разочарование народа, который видел, что обычные храмы и службы не могут остановить разгул чумы, усиливались.

А эти настроения – что да, церковники блудят, интригуют, воруют и убивают почище простых мирян, – несли нешуточную угрозу для официальной церкви.

– Мой мальчик, – поучал Климент Шестой Жан-Жака, которого держал в курсе всех дел, чтобы тот с молодости видел изнанку жизни и не имел иллюзий. – Да, это опасные игры, но ты не бойся. У тебя есть я, а у меня есть поддержка... сам знаешь кого. Так ведь и у тебя есть эта поддержка! И дурить народ мы будем всегда. Они – наша пища, запомни это! Наша тупая, исполнительная пища. А мы властители, высшая каста. И покровители наши высшая каста в девяти кругах ада, и они всегда будут благоволить к таким, как мы. Даже не стесняйся делать все то, что считаешь нужным для приумножения своего благосостояния – хоть именем короля, хоть иного правителя, хоть Господа Бога. Все это лишь словесная оболочка. Настоящая власть всегда будет у того, кто держит в руках богатство – не просто держит, а умеет его удерживать из века в век, знает формулу его удержания и увеличения. А это мы. Увидишь, скоро золото потечет

к нам рекой со всех сторон, только руки подставляй...

- Хорошо, ваше святейшество.

- А вы слышали, что произошло в храме Святого Петра в Иерусалиме?! - надрывались между тем на всех углах.

- Нет!

- Что такое?

- Прямо на алтарь упала табличка с посланием самого Иисуса Христа! - торжественно кричали в народе. - Он провозгласил, что начало чумы - это наказание за несоблюдение постов, Божьих законов и заповедей! И что если люди будут и далее вести жизнь неправедную, то вскоре начнутся нашествие дикого зверья и набеги язычников и прочих дикарей, что хуже всякого зверья. А спасение придет к заблудшим душам, если они отрекутся от соблазнов бренного мира и начнут неусыпно молиться и предаваться самобичеванию.

Так возникло движение самобичевателей-флагеллантов. Они всерьез верили, что если намеренно причинять себе боль, то это разжалобит Господа, который, увидев их страдания, исцелит их, а прочих оградит от новых заражений.

Современный человек с ума бы сошел, а они ничего. Жить хочешь, как говорится, умей вертеться...

Флагелланты, впавшие в религиозный экстаз, объединялись в группы по несколько тысяч человек. Каждую группу вел за собой кто-либо из особо фанатичных адептов. Так они странствовали по всей Европе из города в город в истрепанных черных плащах с капюшонами и сверкали безумными глазами из-под надвинутых по брови шапок из войлока, пугая всех вокруг своими спинами, покрытыми гноящимися ранами, струпьями и запекшейся кровью.

Разумеется, папа видел, куда это все катится, но при всем своем уме и осторожности не стал отлучать их от церкви - народ мог бы взбунтоваться и объявить еретиком или пособником дьявола самого папу, слишком уж далеко все зашло.

Но флагелланты несли с собой не только ересь. Они несли за собой новые волны заражения в прежде нетронутые места. Такова была саркастическая усмешка дьявола – именем Бога уничтожать миллионы и миллионы людей.

– Подожди, подожди, – говорил Климент Шестой Бизанкуру. – Просто смотри и учись, как это бывает и как именно делаются большие деньги.

Юноша смотрел и учился. И вот тут-то и началось самое интересное.

Обезумевшие от страха, горя и отчаяния люди готовы были отдать баснословные деньги, только бы получить... нет, не исцеление, а отпущение грехов.

– Ты понимаешь теперь, мой мальчик, как именно можно заработать капитал на болезни и страхе, если ты приближен к власти? – глядя на юного родственника в упор, спросил Климент Шестой.

– Да, ваше святейшество, – не моргнув глазом, бойко ответил Бизанкур. – Вовремя рассказать нужную сказку. Попросту всех обмануть.

– Bravo! – одобрил Климент. – И?..

– Индульгенции – это цыплятки на птичьей ферме, – продолжал Жан-Жак. – Стоят они не столь дорого, зато их много и требуются они теперь каждому.

– Да, мой мальчик! – расхохотался папа. – Ты понял! Раз уж они верят, будто эта бумажка спасет их грешные никчемные душонки, этим надо пользоваться, коли ты не дурак.

Бизанкур дураком не был.

Конечно, он понимал, что еще слишком юн и неопытен для того, чтобы самостоятельно вершить подобные дела, и то, сколь повезло ему на влиятельного родственника, который к тому же был поддержан силами, многократно превосходившие обычные человеческие.

Конечно же папа в самый разгар эпидемии находился далеко от Ватикана, запершись с горсточкой приближенных к нему людей в Авиньоне, своей

резиденции, надежной, как крепость. При нем неотлучно находился его личный врач, великий Ги де Шолиак, предписания которого он соблюдал неукоснительно. Опасность заражения была весьма велика, и поэтому Климент не расставался с платком, который держал все время прижатым к лицу, дыша исключительно через него, куда бы он ни ходил, и периодически сжигал оную тряпицу, вынимая из особых сундуков все новые, не тронутые заразой аккуратные белые квадратики ткани.

– Помнишь, дорогой мой племянник, что говорил я тебе в самом начале относительно чистоты тела и одежды? – напоминал он Жан-Жаку, а вслед за ним и туповатый Фернан Пико внимал ему, разинув рот и поражаясь его дальновидности. – Вот поэтому вы теперь и живы, и будете живы и впредь, если прислушаетесь к голосу разума, а сейчас этих голосов только два – мой и мэтра де Шолиака.

Кроме того, справа и слева от собственной персоны папа держал две постоянно горящие жаровни, огонь в которых поддерживали Жан-Жак де Бизанкур и Фернан Пико, а в их отсутствие – доверенные люди. Это тоже было предписанием врача.

– Жар огня, – назидательно говорил он, – не даст блохам, разносящим болезнь, размножаться.

Кроме того, прожаривались и перемены одежды, которая висела в непосредственной близости от жаровен. Жан-Жак и Фернан следили, чтобы обувь не скукожилась, а одежда не сгорела.

– Хотите остаться в живых, – довольно жестко говорил папа, – учитесь терпеть временные неудобства годами, и терпеть кажущиеся лишения, на самом деле преумножая доход свой и сохраняя жизнь свою. А лишитесь жизни, так и никакой доход станет вам не нужен.

В свое время Авиньон был выкуплен папой у неаполитанской королевы за восемьдесят тысяч флоринов. Теперь доход исчислялся миллионами.

Из опасения заразиться монахи не выходили за стены монастырей, и паломники, кишачие вокруг наподобие чумных бацилл, складывали дары прямо возле ворот. По ночам, окуривая себя дымом и обмотав рот тряпками, монахи, словно

воры в ночи, растаскивали сокровища по своим норам.

Давным-давно уже Ги де Шолиак придумал защитную маску, которую мы знаем как маску «чумного доктора». «Клювы» эти заполнялись ароматическими травами, дабы отравленный заразой воздух не проникал в легкие. И вот в одну из ночей Жан-Жак и Фернан, надев чумные маски, вышли на «сумеречную охоту» за данью...

* * *

– Эх, хорошо бы и себе сегодня пригрести денежек, – раздался глуховатый, искаженный маской голос Фернана.

– Тебе мало? – усмехнулся Жан-Жак де Бизанкур, пробираясь к выходу узким коридором и отряхивая рукав, выпачканный известкой со стены. – Ты уж который раз таскаешь.

– А тебе жалко? – парировал Пико. – Не свои же отдаешь... Да кто их вообще считает теперь?!

– Представь, считают, – возразил протеже Климента Шестого. – Конечно, до казны не все добирается, но ты давай там не усердствуй. А то твой сундучок лопнет.

– Откуда знаешь про сундучок? – вскинулся Фернан.

– Я все знаю... – посмеивался Бизанкур. – Да не трясись ты, не нужен он мне. И не рассказывал я никому. Ты сам, как дурак, треплешь налево и направо, что купишь себе домик, как только закончится чума. Ну, скажешь, не дурак? Откуда это у служки вроде тебя деньги на домик?

– А наследство! – защищался тот.

– Да-да, конечно, наследство у сироты, который, как всем известно, с детства приживается при дворе папы, – расхохотался Жан-Жак. – Ну-ну. Как бы тебе с твоими куриными мозгами не загреметь на дознание к святой инквизиции.

- Да что я тебе сделал?! - взвыл обезумевший от ужаса Фернан.

- Тихо! - прикрикнул Бизанкур. - Дурак и есть - шуток не понимаешь. Факел держи ровнее, смола с него чуть мне на плащ не капнула, а она горит, между прочим... Разувай глаза! Нужно мне больно сдавать тебя инквизиции, какой мне с этого прок... Ладно, так и быть, отвернусь я, когда начнем носить то, что нам грешники пожаловали. Ты только запахнишь поплотнее - смотри, у тебя вон шея голая. И руки.

- Да жарко же, - пробурчал Фернан.

- Дурак, - в который раз бросил Бизанкур.

Фернан засуетился, наматывая вокруг шеи ткань и одергивая рукава. Факелы шипели и роняли тягучие горящие смоляные слюни, отбрасывая тени на стены коридора.

Ночь снаружи встретила духотой и беспорядочной суетой; позвякивал металл - не оружие, а серебряные и золотые кубки, посуда. Шуршали цепочки и ожерелья, сыпались монеты. Кто-то причитал, повизгивая: «Нет у меня, нет у меня золота, возьмите серебряное блюдо, молю, святой отец!» И святые отцы, отворачиваясь и дыша в свои тряпки, совали в протянутые руки свернутые в трубочки индульгенции - «лекарство» от чумы.

Окружая стену дворца, горела цепочка костров, олицетворяя защиту от заразы и символизируя заградительный барьер. - Интересно, в самом ли деле огонь так очищает, - глядя на пламя, задумчиво произнес Фернан.

- Давай проверим, а? - невинно предложил Бизанкур.

- Как это? - не понял Пико.

- Ну, давай ты спросишь у святой инквизиции, - пояснил тот и расхохотался, потому что Фернан тут же испуганно прынул в сторону. - Вон пожгли же евреев в Венеции за пособничество дьяволу. Помогло венецианцам это исцелиться?..

- Злой ты человек, - укоризненно сказал ему Пико.

– А кто первый на евреев наехал? – резонно возразил ему Жан-Жак. – Груши он сушеные украл, подумаешь. Был бы я злым, давно бы рассказал все о твоих делишках.

– А вот интересно, – сощурился Фернан. – Разве ты сам не взял ни одной монетки? Неужто тебе не хочется?

– Нет, – равнодушно отвечал Жан-Жак. – На что они мне. Живу я не бедно, как и ты, впрочем. За обучение мое, как и за твое, кстати, платит его святейшество. Нас лечит лучший во всей стране лекарь. Чего мне еще хотеть? А если вздумается мне странствовать, я сомневаюсь, что у меня будут препятствия.

– Да, конечно, ты у папы любимчик... – плаксиво протянул Фернан. – И всякая прихоть твоя будет тебе сразу на блюдечке.

– Да что ты разнылся, лучше бы на учение так налегал, как на нытье! – фыркнул Бизанкур. – Или иди вон, прибери то добро, да пойдем, не стой столбом.

Монахи сновали с небольшими тележками между двором и дверьми, сноровисто утаскивая дары прихожан. Внимание Жан-Жака привлекла груда тканей, сверху которой лежали книги в кожаных переплетах. Он внимательно рассматривал переплеты и бережно складывал книги обратно – таблицы короля Кастильского, труды Аврелия Виктора, – он их уже читал, а информацию всегда схватывал быстро.

На глаза ему попала некая продолговатая металлическая трубочка, по бокам украшенная кистями. Присмотревшись, Бизанкур понял, что один конец можно отвинтить, хотя скреплен он был красной сургучной печатью.

– Не яд ли там спрятан? – в сомнениях пробормотал молодой человек.

Спустя мгновение он понял, что для ядаместище великовато, и, легко сломав сургуч и открутив головку трубочки, потряс ею. В ладонь ему выпал аккуратно свернутый свиток.

– Ого, – тихо присвистнул Жан-Жак, развернув свиток и мельком пробежав по тексту взглядом.

Коротко оглянувшись по сторонам, он быстро вернул манускрипт в футляр, завинтил и спрятал находку в рукав —

его всегда интересовали старинные рукописи, которых было немало в папской библиотеке. Он собирался рассмотреть его позже, на досуге.

Жан-Жак заметил, как Фернан рванулся к горке подношений – она состояла из отрезков шелка и бархата, кувшинов с тонкими и длинными горлышками, видимо, персидской работы. Но не это привлекло его внимание; он заметил еще и небольшой кошель из крашеной красной кожи, украшенный золотым витым шнурком. Кошель смотрелся дорого, да и бока его приятно круглились. Жадная лапка Фернана нацелилась именно на этот кошелек, взяла его и поспешно затолкала за пазуху, в потайной карман.

И в этот самый момент чья-то рука схватила его за штанину.

– Эй! – вскрикнул от неожиданности Фернан.

– Помоги мне, добрый человек! – прохрипела женщина, вид которой оставлял желать лучшего. Вероятно, она была уже сильно больна. Ее всклокоченные волосы наполовину закрывали почерневшее лицо, руки исхудали, как палки, и были испещрены кроваво-красными язвами, зато бархатное платье винного цвета выглядело прилично, разве что выпачкано в пыли, потому что стояла она на коленях. Как и откуда ее сюда принесло, сказать было трудно.

– Пустите меня! – вырывался от нее Пико, но она вцепилась в него еще сильнее:

– Помоги, здесь моя дочь!

– Да что вы! Это мужской монастырь, – зашипел Пико, пытаюсь освободиться из цепких и страшных рук незнакомки. – Не может здесь быть вашей дочери!

– Здесь, здесь она, – настаивала та. – Господин де Шолиак назначил ей встречу...

Имя доктора почти убаюкало бдительность Фернана, как вдруг он увидел за ухом женщины огромный багровый чумной бубон.

Молодой человек взвизгнул и стал нешуточно вырываться:

- Да оставьте вы меня!

- Мне нужно найти свою дочь, - повысила голос незнакомка и вдруг закашлялась. - Она пришла сюда еще днем...

- Пустите меня! - завопил Фернан, отворачивая от нее свою маску и беспорядочно молотя по воздуху руками.

Со своим клювом он напоминал сошедшую с ума птицу. Рукава его задрались, рубаха сбилась, а женщина, словно обезумев, цеплялась за него и царапалась, как дикая кошка:

- Где она? Почему вы прячете ее от меня? Она неизлечима?! Скажите мне правду!

- Жан-Жа-ак! - кричал не на шутку перепуганный Пико, забыв и про свой вожаденный кошелек, и про остальные лакомые предметы.

- Вон! - коротко рявкнул подскочивший сзади Бизанкур.

Загудело пламя факела, которым он, не церемонясь, ткнул женщине в лицо. Она, шипя, отшатнулась и упала навзничь, продолжая тянуться к Фернану и выкрикивая какие-то ругательства. Тот, тоже упав на землю, голосил как резаный и пытался ползком покинуть это место как можно скорее.

- Она меня оцарапала! - в панике визжал он.

- Быстро отсюда! - рыкнул Жан-Жак и пинками погнал приятеля обратно во дворец, но стражники, охранявшие папские покои, не пустили их, ввиду отчаянных воплей Пико. Характер их мог вызвать во дворце нешуточную панику.

Бизанкур коротко ударил приятеля в физиономию. Раздался смачный шлепок, и из разбитого носа Фернана закапала кровь. Он испуганно замолчал.

– Заткнись, а то нас вышвырнут в два счета, – прошипел Жан-Жак, срывая с себя перчатку и отбрасывая ее в огонь костра, которых вокруг было предостаточно. – С другого крыла зайдём, где твоих диких криков не слышали... Или я тебя свяжу и рот заткну!

Он подгонял своего непутевого дружка окриками, не желая лишний раз до него дотрагиваться, и втолкнул в одну из келий на первом этаже:

– А теперь ты тут посидишь, и тихо, понял?

Пол там был каменным, на нем лежала небольшая охапка соломы.

– Бросаешь меня?! – заорал было тот, но Жан-Жак новым пинком отшвырнул его к небольшой узкой кровати.

– Я собираюсь тебя спасти! Но, если услышу хотя бы звук отсюда, вернусь и убью тебя собственными руками. Я не шучу!

Видимо, тон Бизанкура был достаточно угрожающим, потому что Фернан рухнул на пол, спрятал лицо в тюфяке, бывшем на кровати, и беззвучно заплакал.

Жан-Жак поспешно покинул келью, замкнув ее ключом, который висел рядом на гвоздике, вколоченном в дверной косяк – это были кельи для тех, кто хотел молиться в полном уединении, и запирались они как снаружи, так и изнутри. Потом, потерев пальцами стену, он нарисовал на двери крест, после чего поспешил в покои папы, и на этот раз стражники безмолвно пропустили его.

В покоях Климента Шестого было невероятно жарко, потому что, несмотря на царящую снаружи духоту, угли на двух жаровнях были раскалены добела. Меж ними, обливаясь потом, сидел сам папа римский, на коленях которого примостился большой серый кот. Еще несколько котиков, разомлев от тепла, лежали рядом. Распоряжения Ги де Шолиака выполнялись неукоснительно. Уже давненько он понял, что разносчики чумы – это блохи и крысы, и рекомендовал нещадно истреблять грызунов различными методами, в том числе и при помощи домашних кошек. Папе принесли во дворец нескольких, зарекомендовавших себя отличными охотниками, и Климент практически не расставался с ними. Сам доктор находился здесь же.

Климент вопросительно взглянул на Бизанкура, а тот, вместо того чтобы, как обычно, подойти за благословением, склонился в поклоне у дверей:

– Ваше святейшество, благоволите дать мне вымыться и переодеться, а одежду мою сжечь. Мэтр де Шолиак, кажется, одна из зараженных поранила Фернана. Я запер его от греха и пометил дверь крестом...

– Грех на всех нас, – вздохнул Климент, впрочем, довольно спокойно.

Ги де Шолиак выглядел куда больше обеспокоенным.

– Я приду взглянуть на него, когда ты приведешь себя в порядок, – сказал он Бизанкуру.

– Дитя мое, ты все правильно сделал, – кивнул ему папа. – Брат Винченцо, помоги отроку.

Тот, ни слова не говоря, проводил Жан-Жака в небольшую комнату с бадьей, где бессменно дежурили несколько монахов, меняя воду и периодически поднося горячую. Молодой человек спешно вымылся и переоделся в ту одежду, что висела рядом с жаровнями.

Когда они добрались до кельи, где был заперт Фернан, оттуда не доносилось ни звука. Бизанкур подумал было, что, неровен час, тот сбежал, но переоценил его возможности. Подавленный, Пико стоял на коленях и лихорадочно молился. Встретил вошедших затравленным взглядом и опустил его долу. Не проронил ни звука даже тогда, когда де Шолиак подверг его осмотру и, опустив плечи, покорно поворачивался. На руках и животе у Фернана алело несколько параллельных царапин – в тех местах, где женщина вцепилась в него ногтями. Царапины были багровыми и слегка припухли.

– Мне конец? – подавленно спросил Пико.

Видимо, за небольшое время, что он провел взаперти, его паника ушла, уступив место полной обреченности. Юноша был сильно напуган.

Жан-Жак поставил возле кровати кувшин с вином и поднос с овощами и холодной телятиной, положил рядом перемену одежды:

– Придется тебе пока поужинать здесь. Не стоит так отчаиваться. Никто тебя не бросает. Переоденься, а одежду твою мы сожжем...

Красный кошелек упал на пол, когда Пико переодевался, и все трое сделали вид, что ничего не видели, только Фернан густо покраснел, напоминая цветом бока кошелька.

Ги де Шолиак не скрывал своей озабоченности, обрабатывая царапины принесенным травяным настоем:

– Вам не следует какое-то время покидать эту комнату, Фернан. Будем надеяться, что все обойдется...

Но, увы, не обошлось.

Когда Жан-Жак наутро вошел к Пико, он увидел его ужин нетронутым. Парня трясла крупная дрожь, словно он замерзал, а лоб его тем не менее покрывала испарина.

– Я заболел... заболел... – повторял он, затравленно глядя куда-то в пространство.

Бизанкур оценивающе смотрел на него из дверей. Он знал, что у заразившегося чумой шансов практически не было, хотя сам де Шолиак буквально недавно переболел ею, порезавшись во время операции, которую делал больному, вскрывая его бубон. Но это де Шолиак...

Вернувшись к себе после посещения Фернана, Бизанкур вторично развернул свиток, который принес с «ночного похода» за подношениями. Когда он прочел текст внимательнее, кровь ударила ему в голову, а сердце часто-часто застучало. Он долго сидел, уронив свою находку на колени и стараясь отдышаться; руки его тряслись.

В свитке было такое, что у Бизанкура не зря зашло дыхание. Этого просто не могло быть – такая удача! Манускрипт был не чем иным, как ритуалом по вызову демона лени и праздности, Бельфегора... Жан-Жак не колебался ни мгновения, когда приносил этот свиток на одобрение папе. Папу он не решился беспокоить ночью, а утром, после литургии, нанес ему визит и с почтительным поклоном протянул найденный манускрипт, внимательно следя за выражением лица его святейшества. И увидел в его зрачках знакомые язычки пламени.

– Ваша святейшество, мне кажется, это совершенно необычайная находка. Что мне делать с нею?

Его святейшество, внимательно изучив свиток, с усмешкой протянул его обратно:

– Делать то, что там и написано... Добро пожаловать в ад, мой мальчик. Пора. Не бойся ничего, все будет тебе на благо. Я мог бы сказать, что благословляю тебя на этот шаг, но... наверное, это слишком, не правда ли?

И оба понимающе рассмеялись.

И теперь Бизанкур холодно и изучающе смотрел на Фернана:

– Скажи мне, ты хочешь жить?

– Хочу! – страстно выкрикнул тот, сотрясаемый лихорадкой, зубы его выбивали дробь.

– А чего ты хочешь больше – жить или спасти душу?

Вопрос был не лишен коварства. Фернан думал не больше секунды.

– Да чёрта ли мне в этой душе, если я сдохну?! – отчаянно крикнул он.

– Слышали бы тебя инквизиторы, – расхохотался Жан-Жак. – Ладно, да будет так. Я приду завтра. И ты будешь делать все, что я скажу. Будешь?

– Буду, – прохрипел Фернан.

Получив негласное разрешение от самого папы римского, Жан-Жак прислушался к себе и нашел, что его ничуть не пугают и не смущают условия, описанные в этом немыслимом документе, за который святая инквизиция отправила бы на костер любого. Любого, но не Жан-Жака. Рок его был совершенно иным, и, пока длилась его история, никто не смог бы сказать, чем и как она окончится.

Поистине, неисповедимы пути Господни. Судьба Жан-Жака де Бизанкура была предопределена еще до его рождения – до зачатия! – и не случайно этот свиток попал именно в его руки в знойную летнюю ночь 1348 года, через неделю после его девятнадцатилетия. Обряд вызова демона Бельфегора собственной персоной... Это было уже почище, чем призывать огонь в собственных зрачках.

Подумать только, для обряда требовалась кровь некрещеного младенца, с которого надо было заживо содрать кожу! Да расскажи он кому... Разве такие вещи рассказывают?

Под маской чумного доктора войти можно было в любой дом, препятствия чинить не стал бы никто. Под страхом смерти врачи и священники не посещали больше домов ни для отпевания, ни для крещения. Улицы опустели.

Но одна фигура, лицо которой защищала маска с огромным клювом, все же проскользнула в дверь богатого и пышного особняка. Никто не заметил, что первенец, несколько дней оглашавший дом требовательными и голодными криками, вдруг умолк. Да и к исчезновению самого источника этих криков никто не проявил должного интереса – болезнь изменила всех за считанные дни.

Не будем испытывать нервы читателей дальнейшими подробностями, скажем только, что рука Бизанкура, окропившего наспех сделанный алтарь кровью невинного и некрещеного ребенка, не дрогнула. Также тверда она была, когда чертила пентаграмму на полу кельи, зажигала свечи по ее углам. Чудовищное беззаконие, творившееся под сводами папского дворца, совершаемое с попустительства его святейшества, свершилось. Осталось прочитать сам текст. И тихий монотонный голос Жан-Жака вознесся к сводам:

– Пэр Адонаи Элохейну, Адонаи Ешова, Адонаи Собош, Ха-Маком, Мэтратон Он Агла Адонаи Мэшон, вербут пушоникум, мистериум Саламандер, сонвэнтус сулхорум, антра гноморум, демония коэли Гад Алмоусун Гибор, Ишоя, Евам Зарианатмик, вени, вени, вениас, Бельфегор!

Заколебалось пламя свечей по углам пентаграммы, затрепетали тени на стенах, пронесся шепот ветра в тишине кельи, вскрикнул Фернан Пико, чьих сил хватило только на этот предсмертный птичий клекот, и тело его, покрытое стремительно размножившимися за три дня алыми язвами, вытянулось на узкой монашеской постели совершенно неподвижно.

- Обманул... - прохрипел Фернан, и глаза его закатились.

Но глаза Жан-Жака де Бизанкура, внимательно наблюдающие за всем, что происходило, увидели, как пробежала по стене тонкая трещина, как содрогнулась эта стена, а уши уловили глухой, словно за многие мили, удар. Еще один... и еще... пока наконец огромный молот не появился в разломе с той стороны и в комнате через образовавшийся проход не появилось косматое чудовище с хоботом, выглядывающим из зарослей чудовищной бороды.

- Бельфегор, - прошептал Жан-Жак.

Странно, но он совершенно не был напуган. Вероятно, что-то внутри него помнило, с какой бережностью демоны, приходящие к нему в ночь его рождения, прикасались к нему...

Монстр с молотом внезапно раскололся пополам, словно кокосовый орех, и Бизанкур увидел, что отвратительная внешность была лишь оболочкой для совсем другого существа - идеально сложенной темнокудрой женщины. Она быстро облизнула полные губы язычком и хрипловато рассмеялась:

- Ты шокирован, мой юный девственник? Полно, тебе не к лицу. Фрустрация - удел таких, как этот твой приятель, что валяется здесь в столь плачевном виде. Мы с тобой не такие, правда?

Юноша даже не понял, что она сказала, - в его словаре просто не было подобных слов, - он, не отрываясь, смотрел на ее грудь. А потом и думать стало некогда. Демоница приблизилась к нему и без лишних прелюдий преподала ему несколько уроков любви, искусной и изощренной, - прямо в окружении всех атрибутов, сопутствующих обряду, включая и несчастное убиенное дитя.

- Ведь это у тебя впервые, правда? - заметила она, вставая и потягиваясь.

Тот кивнул, едва в силах отдышаться.

– Этот твой дар – некрещеный малютка – был особенно лакомым, – подмигнула она. – И поэтому я тоже угостила тебя вкусеньким.

Затем прошлась по каменному полу кельи безупречными ступнями:

– Запомни навсегда, дружочек, – сказала она, в то время как он, ошеломленный происходящим, в сладкой истоме лежал на соломенном тюфяке. – Не стоит стесняться своих желаний. Их нужно просто удовлетворять. Смотри, как это делается.

И она, танцуя, подошла к распростертому на смертном ложе Фернану Пико.

– Он же болен! – в ужасе воскликнул Жан-Жак. – Более того, он уже мертв!

– Да-а?! – притворно удивилась демоница и хрипло рассмеялась: – А вот мы сейчас проверим...

Она без стеснения провела рукой вдоль паха скончавшегося юноши, и Бизанкур, к немалому изумлению и страху своему, увидел, что плоть того восстала. Далее демоница сдернула с Фернана одежду, обнажив покрытое ранками и язвами тело, и под ее руками оно вдруг начало на глазах очищаться и светлеть. После и вовсе началась вакханалия, которую можно было бы назвать и труположеством, если бы Фернан под неистовыми скачками на нем Бельфегора в женском облике не застонал и не пошевелился. Уже через несколько секунд стоны его приобрели совсем другой характер.

– Эй, – смеясь, позвала демоница Бизанкура. – Иди сюда, малыш. Втроем мы славно позабавимся! И не думайте, что монахам таких лакомых кусков не перепадает... Да только разве ж они расскажут! А впрочем, отчего же втроем?! Лилит, сестра моя!

«Лилит», – вспыхнули в памяти Жан-Жака воспоминания о тех минутах жизни, которые не помнит практически никто из смертных, когда ему было несколько часов от роду, и о тех, которые предшествовали его зачатию.

– Какие милашки, – низким и чувственным голосом произнесла она. – И какие свеженькие...

И после действия, перед которым опустят очи стыдливые и которому будут рукоплескать бесстыжие, все четверо решили перекусить и с жадностью набросились на то, что припас Жан-Жак.

– Не обманул, – с восторгом повторял Пико, алчно удовлетворяя аппетит.

– Что так скудно друга-то кормишь, – устыдила демоница, дунула на поднос, и там немедленно появились печеная курица, краюха свежего хлеба, сладкий лук и множество других яств. – Подкрепляй силы, Фернан, они тебе понадобятся... Пойдем-ка, Жан-Жак, пошепчемся, покуда Лилит обучит его некоторым премилым чудачествам.

И демон, вновь приняв облик мохнатого чудища с вытаращенными глазами и хоботом, поманил его к двери и уселся прямо на солому.

– Я не знал, что вам и это под силу, – прошептал тот, показывая глазами на воскресшего приятеля, с которым в данную минуту Лилит вытворяла такое, что стыдно было бы даже произнести. Его стоны оглашали каменные стены кельи, и они отнюдь не были звуками страдания и боли.

– Что ты имеешь в виду? – поднял брови демон. – Плотские утехы с извращеньями? Какая безделица.

– Да нет же! Оживление мертвецов.

– А ты полагаешь, он жив? – одними губами холодно спросил Бельфегор, и Бизанкур вздрогнул. – То, что он лихо шевелится и попискивает, ничего не значит. Даже то, что он домик скоро купит, будучи просто движущейся падалью, и то не имеет значения. И, как говорится, подними челюсть с пола.

Жан-Жак машинально поискал глазами на полу, но Бельфегор хмыкнул и махнул рукой:

– Забудь, про челюсть это была шутка... Тебе нужен помощник, а вот такое ходячее двуногое как раз то, что нужно. Тупой, исполнительный... мертвый. И не заразный.

Оба посмотрели на Фернана. Фернан, закончив с Лилит, сосредоточенно поглощал курицу, вцепившись в птицу обеими руками. Жир капал ему на грудь. Но Лилит с ним еще не закончила. Она слизывала с него этот жир, покуда жажда его желудка вновь не перешла в жажду чресел.

– Оголодал, кадаврик, – заметил демон. – Да, мертвецы много жрут, он еще поперек себя шире станет. И начнет... хм... любить все, что шевелится. А внешность его мы сейчас слегка поправим.

В мгновение ока тощий Фернан приобрел двойной подбородок, поросший редкой рыжей бороденкой, трясущиеся жирочком бока и живот.

– О! Поросеночек! – засмеялась Лилит, щекоча его, на что Фернан разразился довольными звуками, весьма напоминавшими похрюкивание.

– Ну вот, – удовлетворенно заметил Бельфегор. – Был Фернан Пико, стал Филипп Вико. Он даже разницы не ощутит. – Филипп Вико, – эхом пробурчал новоявленный Филипп с набитым ртом, снова принявшись за еду.

– Вот-вот, – одобрительно сказал демон и понизил голос, обращаясь к Жан-Жаку: – Когда он надоест тебе, просто скажешь ему: «Прах к праху, рассыпья». А через парочку веков он тебе точно надоест, если не раньше... Ему обо всем этом знать не обязательно. Пусть думает, что выздоровел. Он будет тебе отличным слугой да к тому же не станет задавать ненужных вопросов. И ты тоже не задавай, а слушай, что тебе отныне надлежит делать. Пребывать в лени и роскоши.

– И все? – недоумевая, после паузы спросил Жан-Жак.

– А что тебе еще? – усмехнулся демон праздности.

Он протянул руку и достал из воздуха свиток – Бизанкур узнал манускрипт, в котором содержался обряд вызова Бельфегора. Только теперь текст в нем стал

иным – это был договор. Жан-Жак наскоро пробежал его взглядом... Сколько?!

– Шестьсот шестьдесят шесть лет жизни? Мне?! – прошептал он, не веря. – Просто чтобы проводить их в богатстве и безделье?!

– Не на каторге же, – заметил Бельфегор. – Жить в праздности тоже, знаешь ли, надо уметь... Ты должен сохранять силу и привлекательность, значит, тебе стоит выбрать и привлекательный возраст, чтобы остановиться на нем и не стариться. Скажем... Лет двадцать семь.

– Великолепно! – вырвалось у Бизанкура.

– Быть сему, – кивнул демон праздности. – Как только тебе исполнится двадцать семь, ты перестанешь стареть. Ну и... И, разумеется, нужно делиться тем, что ты умеешь. Повторяю, мне очень по вкусу пришелся твой подарок, кровь некрещеного малютки. Помнишь ли, мой мальчик, как сам сосал кровь из моей груди, а?.. Да уж где там, ты ведь был нескольких часов от роду. Но сосал с удовольствием. Я тебе потом напомню и даже покажу. И рука твоя не дрогнула, когда ты... Продолжать?

Жан-Жак прислушался к себе. Нет, совершенно никаких угрызений совести. Словно убить младенца было для него тем же, что свернуть голову цыпленку, хотя и на это не каждый решится. Перед его глазами вдруг встало видение: нежный женский рот, чьи зубки хищно перекусывают цыплячью шейку и жадно перемалывают тонкие косточки.

– Да-да, это была твоя мать, – серьезно кивнул демон. – Ей тоже понравилось, помнится. Ей вообще нравились такие штучки. Поэтому дело, как говорится, семейное. Ну и... Чем больше таких младенчиков, тем твоей девочке будет слаще.

Демон подмигнул.

– А подписывать нужно кровью? – на всякий случай спросил Жан-Жак.

– Меня так и подмывает пошутить на эту тему, – без улыбки ответил Бельфегор. – Но кто же таким шутит. Конечно, дорогой мой. Не пожалей для

меня капельки. Я стану твоим покровителем, и поверь, житья тебе будет с куда большим размахом и приятностью, чем при нашем добром папе. Хотя он, безусловно, неплох.

Он легко уколол палец юноши неизвестно откуда взявшимся сверкающим лезвием кинжала – узким и длинным, – и Жан-Жак вывел внизу свитка свою алую подпись. – Узнаешь? Этот кинжал – подарок тебе от Асмодея, демона науки и войны, и эта безделица будет находиться при тебе неотлучно, – кивнул ему Бельфегор. – Ты потом вспомнишь, как хорош он был, когда явился тебе впервые во всем блеске. Именно он направлял твою руку на занятиях различными видами единоборств, и разными видами оружия ты ловко владеешь только благодаря ему – не забывай об этом! Да и точными науками ты овладевал с такой легкостью неспроста... Мы заботимся о тебе и будем заботиться впредь.

Жан-Жак всмотрелся в кинжал. Он особо не задумывался, откуда тот у него, полагая, что он так и прибыл с ним из отчего дома вместе с вещами, собранными ему домашними.

А меж тем демон лени приложил к свитку и свой палец. Тотчас вспыхнуло пламя, и узкой змейкою побежали по листу витиеватые письмена, оставляя за собой прожженную причудливую вязь.

– Смотри, как красиво, – заметил демон. – Этот свиток будет храниться у тебя. Надеюсь, ты будешь оберегать его... просто как музейную ценность. И вот еще что.

Он подбросил на ладони туго набитый кожаный коричневый кошель:

– Трать, и он всегда будет полон для тебя. Там и та монета, которую оставил для тебя Маммона... Понятно, не помнишь... но она пригодится тебе еще. Даже если ты случайно купишь на нее что-нибудь, она вернется к тебе с прибытком... Чем больше ты потратишь, тем больше останется. С течением времени кошель может видоизмениться, так же, как и сама валюта, – мало ли что люди придумают. Но стесненным в средствах ты не будешь никогда.

– Чудеса, – прошептал Бизанкур.

– Не без этого, – скромно подтвердил демон. – Так вот, повторяю, тебе не составит особого труда делать то, что ты делаешь, почаще и с размахом. Понял, мой мальчик? Примерно так же, как упиваются флагелланты своей ересью самоистязания. Но это не особенно вкусно, просто насыщает. А невинная кровь – это десерт... Твоей задачей будет убедить своих последователей, что упиваться детской кровью куда более дерзко, смело, отчаянно и под силу только вольному и свободному человеку, не такому, как все. Избранному. И таких под твоим началом должно быть много. На долгие, долгие годы, которые Темный Князь дарует тебе. Впрочем, ты же понимаешь, что сойдут не только дети. Старики, женщины, мужчины... Любых сословий и возрастов. И чем большими мучениями будет сопровождаться их уход, тем слаще будет нам это. И завтра вы с вашим другом, который сейчас докушивает курочку и доласкивает сладчайшую из дев, должны будете покинуть гостеприимный двор его святейшества.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: <https://tellnovel.com/oleg-roy/porog>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)